

Р. В. Полчанинов

МОЛОДЕЖЬ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

*Воспоминания
1941–1951*

Р. В. Полчанинов
Молодежь Русского Зарубежья.
Воспоминания 1941–1951

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66668936
Молодежь Русского Зарубежья. Воспоминания 1941–1951:
ISBN 978-5-85824-189-8*

Аннотация

Рассказ о жизни и делах молодежи Русского Зарубежья в Европе в годы Второй мировой войны, а также накануне войны и после нее: личные воспоминания, подкрепленные множеством документальных ссылок. Книга интересна историкам молодежных движений, особенно русского скаутизма-разведчества и Народно-Трудового Союза, историкам Русского Зарубежья, историкам Второй мировой войны, а также широкому кругу читателей, желающих узнать, чем жила русская молодежь по другую сторону фронта войны 1941-1945 гг.

Издано при участии Posev-Frankfurt/Main.

Содержание

Предисловие	7
1. После исхода белых армий	9
2. «Новое поколение» в преддверии войны	20
3. Русские студенты, сокола и НТСНП в Хорватии	30
4. Скауты-разведчики в Югославии уходят в подполье	41
5. В Хорватии	55
6. В Баня-Луке	74
7. Русский православный приход в Сараеве	78
8. Подпольный журнал «Ярославна»	88
9. С рабочими в Берлин	93
10. Берлин	103
11. Берлин 1942 г. – V Курс для руководителей	125
12. В Варшаве	129
13. В Варшаву «по зеленой дорожке»	135
14. Варшава	144
15. Лагерь в Свидере	154
16. Псков	165
Конец ознакомительного фрагмента.	169

Р. В. Полчанинов
Молодежь Русского
Зарубежья.
Воспоминания 1941–1951

Ростислав Владимирович Полчанинов портрет работы О.
Изместьевой 1938 г.

Предисловие

Эта книга – не история, а только воспоминания о том, чему я был свидетелем или в чем участвовал в 1941–1951 гг. Книга рассчитана как на историков, так и на широкий круг читателей, интересующихся данным периодом. В книге я стремлюсь, не касаясь всем известных событий, сосредоточить внимание на малоизвестных или вовсе неизвестных фактах. Некоторые главы уже печатались в периодических изданиях с целью более широкой читательской критики и исправления возможных ошибок, а некоторые публикуются впервые. В сборе материалов мне помогли друзья, которых я с благодарностью упоминаю в примечаниях к каждой главе.

Благодарю мою дочь Людмилу Ростиславовну Селинскую и внука Георгия Федоровича Селинского за работу по обеспечению моей книги необходимыми фотографиями

В книге идет речь о русской молодежи, связанной и не связанной с НТСНП – Национально-Трудовым Союзом Нового Поколения, ныне НТС, или просто Союзом.

Книга основана не только на том, что сохранила память, но и на дневнике моей жены Валентины Петровны (ур. Наумовой), который она вела с середины 1944 г., на моих записях того времени и на сохранившихся документах. В конце каждой главы даны соответствующие примечания.

Введением к воспоминаниям служат главы «После исхода белых армий» и «НТС в преддверии войны». Дальнейшие главы отражают путь моего следования – из Хорватии в Берлин, потом в Варшаву, в Псков, Ригу и обратно в Германию, в беженские лагеря. Как бы послесловием к повествованию о 1941–1951 годах служит последняя глава, которая доводит рассказ до наших дней.

Хоть я и не был свидетелем разведческой (скаутской) работы в Варшаве в 1940–1941 гг., считаю нужным сказать о ней, так как С. Л. Войцеховский в своих воспоминаниях упоминает о ней только вскользь, и без этого будет трудно понять дальнейшие события в Варшаве.

О РОА (Русской освободительной армии) и воинских формированиях из добровольцев или бывших советских пленных, воевавших на стороне немцев, о рабочих «остовцах» и о насильственных выдачах советских подданных приведены только отдельные, малоизвестные факты.

Автор надеется, что и историки и любители мемуарной литературы найдут в этой книге что-то стоящее и интересное.

1. После исхода белых армий

С белыми армиями в 1920-х годах за границей оказались и три дореволюционные молодежные организации: сокола, скауты и «Маяк».

Первое сокольское гимнастическое общество в России было основано чехами в 1870 г. в Мирогощи (Вольнь)¹, а первое подобное русское гимнастическое общество – в Петербурге в 1879 г.², но оно тогда не получило разрешения называться сокольским. Только в 1907 г. правительство разрешило гимнастическому обществу в Тифлисе (ныне Тбилиси) носить такое название³.

В 1903 г. был утвержден устав общества «Маяк», или «С.-Петербургского комитета для оказания содействия молодым людям в достижении нравственного и физического развития», хотя уже в 1900 г. американец Дж. Стокс пожертвовал 50 000 рублей на деятельность этого комитета⁴. Дж. Стокс был членом YMCA – Young Men's Christian Association, по-русски ХСМЛ – Христианского Союза Молодых Людей. «Маяк» могли посещать *«лица мужского пола не моложе 17 лет»*, а целью деятельности «Маяка» было *«давать моло-*

---

¹ Манохин Н. В. Краткая история русского сокольства. Прага, 1924. С. 12.

² Летопись Союза Русских Соколов. М., 2001. С. 1.

³ Манохин Н. В. Указ. соч., с. 26.

⁴ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Д/П. 1906, с. 153.

дым людям полезные знания, доставлять им добрых друзей и создавать для них приятную обстановку, охранять их от влияния городских соблазнов»⁵.

В 1909 г. штабс-капитан О. И. Пантюхов положил начало разведческому скаутскому движению в России. Он следовал основателю мирового скаутского движения британскому генералу Роберту Баден-Пауэллу, автору книги *Scouting for Boys*, в русском переводе «Юный Разведчик».

У скаутов большинство членов были детьми и подростками, и только на руководительских должностях были лица 17 лет и старше. У соколов же все члены должны были быть не моложе 18 лет, но при сокольских обществах велась работа с «детьми» до 12 лет и «подростками» (12–18 лет)⁶.

В годы Гражданской войны русские сокола с оружием в руках боролись с большевизмом, скауты помогали в тылах, а УМСА на деньги заграничных центров продолжала работу, начатую «Маяком» в Петербурге.

Русские скауты в 1918 г., после провозглашения независимости Латвии и Эстонии (о Финляндии у меня нет сведений), оставаясь на своих местах, оказались за границей. Они не были эмигрантами, но были антикоммунистами и болели душой за Россию. Первый эмигрантский скаутский отряд был основан в 1919 г. в Турции на о. Проти (ныне Кина-

---

⁵ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Д/П. 1906, с. 153.

⁶ Организация общества «Русский Сокол», изд. «Златоуст», [Шлейсгейм, 1948]. С. 7.

ли-Ада)⁷. В 1920 г., во время эвакуации Крыма, скауты создавали на кораблях «плавучие отряды» для помощи команде и пассажирам.

В конце 1919 г. или начале 1920 г. в Константинополе (ныне Стамбуле) на деньги YMCA был создан «Маяк», который, кроме всего прочего, выдавал скромные жалования скаутским руководителям за их работу с детьми и подростками. Более широкую деятельность проводила YMCA в Эстонии и Маньчжурии. В 1923 г. при помощи YMCA на съезде в Пшерове (Чехословакия) было создано РСХД – Русское Студенческое Христианское Движение для «*объединения верующей молодежи, служения Православной Церкви и привлечения к вере во Христа равнодушных и неверующих*»⁸.

В 1920 г. в Праге образовалась инициативная группа для основания «Русского Сокола»⁹. Сокольская работа состояла из обязательных занятий гимнастикой для всех членов до 26 лет под руководством начальника или начальницы¹⁰ и культурно-просветительной деятельности под руководством воспитателя.

Кроме этих трех дореволюционных организаций, по всему русскому рассеянию возникали студенческие союзы и со-

---

⁷ Халафова И. Русские скауты на острове Проти – 1919–1920 годы //Новый журнал. Нью-Йорк, 1984. № 156. С. 200–207.

⁸ 988–1988 г. Празднование Тысячелетия Крещения Руси русской эмиграцией в Западной Европе. Париж, 1989. С. 117.

⁹ Основы Русского Сокольства. Белград, 1935. С. 24.

¹⁰ Там же, с. 73.

юзы или кружки молодежи.

В 1924 г. на шахтах Перника, в Софии и Шумене в Болгарии возникли кружки молодежи¹¹. Примерно тогда же подобные кружки появились и в Югославии. В журнале «Наше будущее. Вестник Союза Русской Национальной Молодежи в Королевстве СХС» (Белград, 1926, № 1) цели Союза были определены так:

«1. Объединение молодежи для создания сильного телом и духом кадра, готового к жертвенному служению Родине и восстановлению ее бывшего могущества и величия.

2. Укрепление и распространение русского национально-государственного мышления, стремящегося к восстановлению России на ее вековых устоях – главенства Православия, Монархии и Народности, и посильное активное участие в русском национальном движении, не предпрещающем на чужбине форм государственного устройства России, но стремящегося к освобождению ее от коммунистического ига»¹².

Подобные же цели преследовали и сокола, и скауты, и большинство кружков молодежи, что и привело их к решению объединиться в НСРМ – Национальный Союз Русской Молодежи, впоследствии Национально-Трудовой Союз (НТС), НСНП и НТСНП.

В 1920–1930-х годах многие организации, желавшие под-

---

¹¹ Прянишников Б. Новопоколенцы. Силвер-Спринг, США, 1986. С. 6.

¹² Арсеньев А. У излучины Дуная. М., 1999. С. 142, 152.

черкнуть свою готовность к служению России и русскому народу, включали в свое название слово «национальный», придавая этому слову положительный смысл, в противоположность коммунистическому интернационализму. Будучи зачастую в душе монархистами, т. е. желая восстановить в России монархию, молодежь в то же время заявляла о своем «непредрешенчестве», т. е. о нежелании «предрешать на чужбине форму государственного строя России».

«Непредрешенчество» было характерной чертой как Белого движения в России, так и основанного генералом Врангелем в 1924 г. в Зарубежье РОВС – Русского общевойскового союза. Многие деятели НСРМ сражались в Гражданскую войну в рядах белых армий и потом стали членами РОВС. В силу этого РОВС видел в НСРМ свою смену, и в первые годы в журнале «Часовой» была постоянная страница НСРМ. Благодаря близости к РОВС первый съезд представителей национально мыслящей молодежи (с 1 по 5 июля 1930 г.) был устроен именно в помещении Русского офицерского собрания в Белграде¹³.

На первом съезде, на котором состоялось объединение союзов русской национальной молодежи в Югославии, Болгарии, Франции и Чехословакии, в составе делегаций участвовали, среди прочих, Ф. И. Бострем и М. А. Павлов¹⁴. Первый известен как скаутский деятель из Франции, а второй – как

---

¹³ Прянишников. Б. Указ. соч., с. 8.

¹⁴ Там же, с. 9.

сокольский деятель из Болгарии.

И скауты и сокола были заинтересованы в борьбе с денационализацией молодежи и надо полагать, что именно они предложили включить борьбу с денационализацией в третий пункт «Ближайших заданий», принятых съездом.

В начале 1920-х годов сокольство успело выработать некоторые программы просветительной работы с молодежью старше 18 лет, тогда как в НОРС – Национальной Организацией Русских Скаутов вопрос создания программ работы с молодежью старше 17 лет был впервые поднят только в 1924 г., после того как Баден-Пауэлл выпустил книгу *Rovering to Success* (Странствование к успеху), в которой говорилось о работе с молодежью старше 17 лет¹⁵. Сотрудничество скаутов с НТСНП в поисках программ для старших скаутов было одобрено с самого начала Старшим русским скаутом (Ст.р.ск.) О. И. Пантюховым. В своем приказе № 272 от 05.05.1934 он писал: *«Газета Нац. Союза Нов. Поколения “За Россию” любезно предоставляет в каждом номере место для статей и заметок русских скаутов-разведчиков. Советую выписывать эту газету во все отряды старых разведчиков»*. В другом приказе он рекомендовал теснейшую связь между разведчиками и группами Союза – так как всякое сотрудничество всегда приносило большую пользу обеим сторонам¹⁶. Сохранилось также и письмо О. И. Пантюхо-

---

¹⁵ Пантюхов О. И. Русским скаутам. Белград, 1929. С. 90–92, 135.

¹⁶ Полманинов Р. Скаутизм-разведчество и НТС // Страницы истории развед-

ва в Исполнительное бюро Союза:

«Давно хотел написать Вам, чтобы выразить Вам свое уважение и еще раз сказать Вам, что цели наши одни и те же. Уверен вполне, что Вы одинакового со мной мнения о необходимости взаимной поддержки. Это уже и было отчасти проведено в жизнь: лет пять-шесть тому назад я горячо рекомендовал Союз в своих обращениях и письмах к руководителям русских скаутов-разведчиков. Результатом было развитие работы Союза на Дальнем Востоке, где очень многие из руководителей и старых разведчиков взялись за работу в Союзе и заняли руководящие роли. В других странах то же... Нам надо еще много работать, чтобы создать чисто русское движение молодежи, влив свое (но талантливое и веселое) в увлекательную систему скаутизма... И надо иметь в виду, что у младшего возраста скаутов другие потребности, чем у юноши 16 лет и выше. За всякие добрые, конкретные советы или проекты, если бы таковые были, мы были бы в высшей степени признательны, и я просил бы их прислать мне...»¹⁷.

О. И. Пантюхов упоминает в своем письме, что на Дальнем Востоке (Китай и Маньчжурия) руководители скаутов-разведчиков создавали звенья и отделения Союза, а В. Монтвиллов пишет, что в Бресте (Польша) в 1932 г. «возникла небольшая (человек 20) группа НСНП. Организаторами и

чества-скаутизма. Нью Хайд-Парк, США, №. 18 (75). С. 2.

¹⁷ Там же, с. 3.

*руководителями НСПП в Бресте стали скауты»*¹⁸.

Надо сказать, что НПП – национально-политическая подготовка, за разработку которой сразу же взялись члены Союза, была именно тем, что помогло сокольским воспитателям сделать сокольские доклады более привлекательными, а скаутским руководителям предложить увлекательную программу для скаутов старше 17 лет. Из курса НПП молодежь узнавала, откуда появился коммунизм (начиная с «Утопии» Томаса Мора, 1516 г., до «Коммунистического манифеста» Карла Маркса, 1848 г.), знакомилась с критикой его теории и практики в СССР и с противостоящими ему идеями солидаризма. Все это, а равно и история антикоммунистической борьбы и «основы национального мировоззрения», были изложены в так называемых «Зеленых романах», ставших настольными книгами для многих. Ни в гимназиях, ни в университетах содержание НПП не изучалось, за исключением основ социализма, которые все же проходили на юридических факультетах.

После окончания войны (1945 г.) много говорилось о влиянии НТС на ОРЮР (Организацию Российских Юных Разведчиков), но почему-то забывалось, что в 1930-х гг. скаутские руководители, и не только в Польше и на Дальнем Востоке, были и создателями и руководителями НТС, принимали участие в выработке программ НПП, и трудно сказать,

---

¹⁸ *Монтвиллов В.* Русская гимназия в Бресте на Буге 1919–1939. М., 1998. С. 113.

кто на кого оказывал больше влияния.

Союзная газета «За Россию», печатая в 1930-х гг. статьи о скаутах-разведчиках, не отказывала в печатании статей и о соколах, и о НОВ – Национальной Организации Витязей. Среди сокольских руководителей, кроме упомянутого М. А. Павлова, членами Союза был проф. Дмитрий Николаевич Вергун (1871–1951), первый староста (глава) Союза Русского Сокольства за границей, староста русских соколов в Латвии – Николай Николаевич Лишин (1893–1941), начальник соколов в Режице Евгений Кашкин и почти все сокольские руководители в Латвии. В Шанхае в 1932 г. выходил журнал «Смена», с подзаголовком «Орган Дальневосточного отдела Национального Союза Нового Поколения и гимнастического общества «Русский Сокол»¹⁹. В НТС состояли бывший начальник НОВ Андрей Дмитриевич Шмеман (1921–2008) и парижские витязи о. Кирилл Фотиев (1928–1990) и Михаил Викторович Славинский (р. 1925). Из пражских витязей при РСХД членами НТС были возглавлявший организацию в 1933–1936 гг. д-р Николай Митрофанович Сергеев (1909–1944), начальник Пражской дружины в 1936–1941 гг. Владимир Яромирович Горачек (1916–1981) и сменивший его в 1941 г. на этой должности Сергей Алексеевич Тарасов (1917–1982). Все трое были арестованы гестапо в 1941, но через пять месяцев освобождены. С. Тарасов вскоре неле-

---

¹⁹ *Базанов П.Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции 1917–1988. СПб., 2008. С. 205.

гально пробрался в Смоленск, а Михаил Яромирович Горачек в Минск. Из пражских витязей членами НТС были и Сергей Иванович Бевад (1918–1944), и Владимир Густавович Конява-Фишер (погиб в 1939 г. при попытке перехода советской границы). Из руководителей НОРР – Национальной Организации Русских Разведчиков, во главе которой стоял полковник Павел Николаевич Богданович (1883–1973), мы знаем Михаила Леонидовича Ольгского (1912–1998), Константина Петровича Григорович-Барского, Игоря Брусникина и Олега Николаевича Минаева (р. 1919). Сам Богданович в начале 1930-х гг. вступил в Союз, но, как это вскоре выяснилось, только для того, чтобы членами Союза пополнить свои руководительские кадры. Вскоре он стал требовать, чтобы Союз прекратил печатать статьи о скаутах-разведчиках в газете «За Россию». Ему в этом было отказано, и Богданович тогда покинул ряды Союза.

Из скаутов-разведчиков, вступивших в Союз, следует упомянуть представителя Союза в Маньчжурии Константина Алексеевича Алексеева (1912–1995), Алексея Николаевича Князева (1905–1993), начальника Инструкторской части НОРС-Р (Национальной Организации Русских Скаутов-Разведчиков) Александра Михайловича Шатерника (1902–1945), старшего скаутмастера ОРЮР Бориса Борисовича Мартино (1917–1962), председателя Союза в 1996–2008 гг. Бориса Сергеевича Пушкарева (р. 1929), известного поэта Владимира Львовича Гальского (1908–1961), Мали-

ка Ибрагимовича Мулича (1917–1980), Игоря Николаевича Шмитова (1922–1982), Всеволода Владимировича Селивановского (1925–1988) и многих других, чьи имена ежегодно поминаются в День памяти Верных. По подсчетам на начало 1950-х годов примерно 2/3 руководителей ОРЮР состояли в НТС.

2. «Новое поколение» в преддверии войны

В Мюнхене, 30 сентября 1938 г., премьер-министры Невилл Чемберлен (Великобритания) и Эдуар Даладье (Франция) отдали Гитлеру пограничные районы Чехословакии (Судеты), а 15 марта 1939 г. нацисты вторглись в Чехию и взяли ее под свой «протекторат». Венгрия с боями захватила Карпатскую Украину (Подкарпатскую Русь), объявившую в тот самый день свою независимость, и прозванную поэтому «республикой одного дня». Венгрия отхватила что-то и от Словакии, которая также объявила свою независимость. Это было фактически началом Второй мировой войны, а не 1 сентября 1939 г., когда Германия, заключив союз с СССР, напала на Польшу, и нацисты показали всему миру, чего стоит их антикоммунизм.

В тревожном 1938 г. Германский отдел НТСНП «ввиду невозможности самостоятельной и независимой работы» решил самораспуститься, чтобы избежать запрета властями. Германию покинули его руководители С. А. Субботин и В. А. Нерсесиан. Последний позже участвовал во французском движении Сопротивления²⁰. После присоединения Австрии к Германии самораспустился и Австрийский отдел.

---

²⁰ НТС. Мысль и дело 1930–2000. С. 20–21.

В Албании, неожиданно захваченной 7 апреля 1939 г. фашистской Италией, НТСНП не успел самоликвидироваться и был запрещен²¹.

В том же 1939 г. Союз подвергся разгрому в захваченной Красной армией Восточной Польше. Членам Союза была дана инструкция не оставаться на местах, а уходить либо вглубь СССР, либо на Запад. Те, кто замешкался, были репрессированы. Так, был расстрелян брат ушедшего на Запад Сергея Николаевича Падюкова Аркадий.

В Прибалтике формально не было отделов НТСНП, но власти знали об их существовании. По требованию СССР еще в марте 1938 г. в Эстонии было арестовано пять членов Союза: Б. Агеев, В. Булдаков, А. Тенсон, С. Ходоровский и Р. Чернявский, отправлявших из Эстонии союзную литературу в СССР. Все они, кроме А. Тенсона, в 1940 г., после присоединения Эстонии к СССР, не смогли покинуть страну и погибли. В Нарве был арестован и в 1941 г. в Ленинграде расстрелян Л. Д. Матвеев, а К. Луга был арестован и погиб в концлагере. Это только несколько известных имен из большого числа погибших.

В Латвии среди членов НТСНП были не меньшие потери. Известно о расстреле в Риге Николая Николаевича Лишина, возглавлявшего Русское Сокольство, и членов правления общества «Русский Сокол» в Режице (по-латышски

---

²¹ *Столыгин А. П.* На службе России. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1986. С. 51.

– Резекне) Бориса Харитоновна и Николая Васильевича Яковлева. В тюрьме скончался член Русского Студенческого Православного Единения Владимир Владимирович Ассур (1883–1941) и ходивший «на ту сторону» Владимир Юркевич²². Расстреляны были руководитель Двинской (Даугавпилс) группы Всеволод Васильевич Елистратов (1913–1941) и активисты той же группы Борис Юрьевич Голубев (1916–1941), Александр Антонович Линдыш (1910–1941) и Иван Иванович Назаров (1910–1941)²³. О потерях в Литве сведений нет. Нехватка данных о потерях в Прибалтике объясняется подпольным характером всей работы НТСНП там. Формально в Прибалтике не было ни Союза, ни его членов, и о принадлежности отдельных лиц к НТСНП зачастую другие его члены не знали.

В Чехословакии НТСНП был по требованию Советского Союза формально закрыт еще в 1936 г., но после немецкой оккупации гестапо арестовало пять наиболее активных членов Союза 14 апреля 1941 г. на общем собрании Клуба молодежи в Праге. В сентябре 1941 г. они были освобождены²⁴.

Франция и Великобритания, хоть и объявили 3 сентября 1939 г. войну Германии, но ничем не помогли своему польскому союзнику. Победив Польшу, Германия все свои силы

---

²² Полманинов Р. Русские Сокола, БРП и НТСНП в Режице // Новый журнал. 2002. № 227. С. 268–275.

²³ Равдин Б. Борис Голубев. Дневник. 1940 // Даугава. 1996. № 1. С. 122–152.

²⁴ Рап Л., Оболенский В. Ранние годы (1924–1948). М.: Посев, 2003. С. 123.

бросила на Францию, которой пришлось заключить с ней перемирие. О вспыхнувшей войне между Германией и западными союзниками в газете «За Родину» (№ 90 от 1 октября 1939 г.) было сказано: *«Создавшаяся к настоящему моменту международная обстановка диктует нам: члены Союза выполняют на местах свои обязательства по отношению к странам, их приютившим. Весь же Союз, в целом, в современном вооруженном конфликте занимает позицию бескомпромиссного нейтралитета».*

В СССР очень скоро обратили внимание на деятельность созданного в 1930 г. Союза. Под давлением большевиков болгарские власти летом 1934 г. запретили дальнейшее издание в Болгарии газеты НСНП «За Россию». Начиная с № 31 она хоть и печаталась в Софии, но без указания места издания, а вскоре начала выходить в Белграде (Югославия). СССР и тут не оставил ее без внимания. Осенью 1937 г. югославские власти отправили В. М. Байдалакова из Белграда в своего рода ссылку в Сараево и закрыли газету «За Россию». Она стала выходить под названием «За Новую Россию», в 1939 г. снова должна была сменить название на «За Родину», чтобы в 1940 г. вернуться к старому названию «За Россию». Наконец, газета в 1941 г. была окончательно закрыта, но Союз стал выпускать журнал «Огни. Орган русской воли»²⁵.

---

²⁵ Полчанинов Р. «Јован Качаки. Руске избеглице у Краљевини СХС – Југославији. Библиографија радова 1920–1944», рецензија // Новиј журнал. 2004. № 235. С. 332.

Все это стало возможным после убийства в Марселе 9 октября 1934 г. короля Александра, когда началось медленное сближение Югославии с СССР. Посольство Чехословакии в Югославии представляло интересы СССР, а в СССР – Югославии.

В 1936 г. в Софии стала выходить газета братьев Солоневичей «Голос России». Про советскую власть Борис Солоневич писал: *«Все ждут гибели этой власти и жаждут войны»*²⁶.

Русская эмиграция, в общем, разделяла такую точку зрения. Симпатии делились между Германией, Францией и Японией. От них ожидали начала военных действий. Один только Союз утверждал, что надо полагаться не на иностранную интервенцию, а на русские силы внутри СССР. На открытом собрании в Белграде 22 февраля 1939 г. В. М. Байдалаков сказал: *«А что, если в какой-то сумасшедший день вы прочтете в газете о восстании Н-ского военного округа, и что некий комкор Сидорчук сверг кровавую власть и повел страну к возрождению и славе? Что, разве мы не пойдем вместе с ним служить России?»* и закончил словами: *«У русской совести может быть только один ответ – ни со Сталиным, ни с иноземными завоевателями, а со всем русским народом»*²⁷.

---

²⁶ Выдержка из письма Б. Солоневича, опубликованная О. И. Пантюховым 15 окт. 1934 г.

²⁷ «Меч» от 5 марта 1939 г., Варшава.

Когда началась война Германии против Польши и ее союзников, Югославия, которая была настроена против Германии и Италии, соблюдала строгий нейтралитет. Газеты печатали без комментариев военные сводки и западных союзников и Германии.

Весной 1940 г. цены на продовольствие в Югославии начали расти. Это было неприятно, но все понимали, что лучше платить дороже, чем воевать. Даже когда Италия напала на Грецию, мало кто в Югославии отдавал себе отчет, что они теперь на очереди. Люди думали, что война пройдет мимо, не затронув Югославию.

И греки, и итальянцы, показавшие себя плохо в Первую мировую войну, были предметом насмешек и анекдотов. Запомнился мне один. По горной дороге в мотоциклете с прицепом едут итальянские разведчики. У Италии была военная техника на должной высоте. Вдруг, за поворотом, появляется пешая греческая разведка. И одни и другие поднимают руки вверх. Секунды кажутся минутами. Наконец итальянцы заявляют грекам, что они все же были первыми, поднявшими руки вверх.

Но на самом деле греки сражались доблестно, когда итальянцы из Албании на них напали 12 октября 1940 г. Они не только прогнали нападавших, но и захватили 14 ноября спорную приграничную полосу с городом Корча. Германия решила помочь своему неудачливому союзнику и привлекла Румынию к Тройственному пакту Берлин–Рим–Токио. Ру-

мыния присоединилась 23 ноября 1940 г., а 1 марта 1941 г. присоединилась и Болгария. Обе страны согласились разместить на своей территории немецкие войска. В граничащую с Грецией Болгарию Германия послала 17 дивизий, но для обеспечения фланга предложила и Югославии примкнуть к Тройственному пакту. У Югославии не было выхода, и регенты при малолетнем короле Петре II подписали 25 марта 1941 г. пакт о присоединении. Англичане, обещавшие послать войска на помощь Греции, склонили генерала Душана Симовича устроить переворот, обещав и ему военную помощь. Генерал Симович 27 марта арестовал регентов, провозгласил малолетнего короля Петра II полновластным главой страны, но не отказался от присоединения к Тройственному пакту.

Новая власть устроила повсеместные демонстрации с одинаковыми лозунгами: «Боље рат него пакт!» (лучше война, чем пакт!) и «Боље гроб него роб!» (лучше гроб, чем быть рабом!).

«В Белграде возле памятника князю Михаилу было разгромлено германское туристическое бюро и сожжен германский флаг. А в соборной церкви был отслужен молебен о благополучии короля, вступившего в управление государством. В числе дипломатического корпуса присутствовал германский посланник фон Херен, автомобиль которого во время возвращения из собора был оплеван толпой и заброшен грязью... Посланник не принял извинений правительства, и бы-

ло дано распоряжение германским и итальянским подданным возвращаться на родину»²⁸.

Правительство генерала Симовича, отдавая себе отчет о неминувости войны с Германией, начало к войне готовиться, но старалось это делать незаметно. Мобилизация не была объявлена, но кое-кого из офицеров запаса призывали в армию.

Одним из таких был мой сараевский знакомый Алексей Павлович Мальчевский (1910–1991). Он выпустил в 1979 г. книгу своих воспоминаний. Там он написал, как в конце марта его призвали явиться в полк, стоявший в Сараеве, как он собрал свой «саркофаг», как в шутку офицеры называли свои походные сундуки, и явился в казармы, но своего полка уже не застал, и пришлось потерять немало времени, пока, наконец, удалось выяснить его местонахождение²⁹. Это было 1 апреля 1941 г. Война еще не началась. А когда началась война, то *«полное отсутствие распоряжений и никакой связи со штабами дивизий или армий. Какие-то обрывочные телефонные разговоры неизвестно с кем»*³⁰.

13 апреля был получен приказ отбить у хорватских усташей (участников восстания) узловую железнодорожную станцию Славонски Брод на линии Белград – Загреб. Для А. Мальчевского это было первое и последнее сражение. Стан-

---

²⁸ Маевский В. Русские в Югославии. Нью-Йорк, 1966. С. 254.

²⁹ Мальчевский А. Ступенями в прошлое. Сан-Франциско, 1979. С. 69.

³⁰ Там же, с. 70.

ция была взята, взятые хорватами в плен сербы-офицеры освобождены, а что дальше? А дальше было решено бросить оружие, идти в Сараево и разойтись по домам. Большинство солдат и офицеров были из Сараева и его окрестностей.

Германия в союзе с Италией, Венгрией и Болгарией напала рано утром в воскресенье 6 апреля 1941 г. на Югославию. Югославия объявила Белград открытым городом, но это не помешало немцам подвергнуть город разрушительной бомбардировке.

Volkischer Beobachter. Kampfblatt der nationalsozialistischen Bewegung Grossdeutschlands (боевая газета национал-социалистического движения Великогермании) вышла 7 апреля под заголовком: «Немецкие солдаты ответили предателям». Под «предателями» подразумевались народы Югославии и их правительство.

По-видимому, король Петр, югославское правительство, британское посольство и, возможно, еще кто-нибудь, сразу покинули Белград и остановились в Пале – курортном городке около Сараева. 14 апреля король Петр II из Никшича (Черногория) вылетел через Афины в Лондон, а на следующий день за ним последовали генерал Симович и югославское правительство. Война была молниеносной, и 17 апреля Югославская армия капитулировала, не оказав немцам и их союзникам серьезного сопротивления. Одни сдались в плен, другие разбежались по домам, а кое-кто ушел в горы продолжать борьбу. Это были монархисты – четники (от слова

«че'та» – отряд), с генералом Дража Михайловичем во главе, которые 8 мая неожиданно столкнулись с немецким патрулем, а уже 10 мая осуществили заранее подготовленное нападение на немецкий пост³¹. Коммунисты в то время были еще союзниками Гитлера и начали свои партизанские действия лишь после его нападения на СССР.

---

³¹ *Andrija Mirkovic*. Unerforschte Gebiete der jugoslawischen Philatelie und Postgeschichte. Selbstverlag, Koln, 1988.

3. Русские студенты, сокола и ИТСНП в Хорватии

Русские студенты появились в Загребском университете в конце 1920 г. вскоре после эвакуации Крыма. Это были солдаты и офицеры белой армии ген. П. Н. Врангеля. Были в их числе и военные инвалиды, говорят, даже один инвалид-генерал. В 1921 г. в Загребе училось 80 русских студентов³², а в 1922 г. – уже более 500 человек.

В. Лавров в своих воспоминаниях³³ писал, что Загребский университет был знаменит тем, что на 50–70 процентов был заполнен этими русскими бывшими военными, у которых *«обмундировка была совсем не первой свежести, видела она и окопную грязь, лежанье в цепях на грязно размокших полях, а у некоторых даже – в пятнах плохо отмытой крови»*. Студенты, ходившие в своих военных формах, поскольку другой одежды у них не было, получили прозвище «кузнечики».

В. Лавров писал, что «кузнечики» получали от югославского правительства около 500 динаров стипендии и жили в русском студенческом доме – бывшей казарме. Этот дом

---

³² Новое время. Белград. 1922. № 392.

³³ Солдатский университет // Новое русское слово. Нью-Йорк. 6, 7 и 8 сент. 1967.

на окраине Загреба – Кунишчак – был в австро-венгерское время венгерской военной тюрьмой, о чем свидетельствовали решетки на окнах. Военное ведомство отдало его русским студентам бесплатно, а за кровать, свет и отопление, как пишет В. Лавров, у студентов вычитали из стипендии по 30 динаров.

В этом двухэтажном доме было 8 больших комнат, где жили по 20–22 студента, и еще на каждом этаже по 6–7 маленьких комнат, в которых жили по 4 студентки. *«В подвалах казармы появился, – пишет В. Лавров, – деревянный прекрасно сделанный пол, стены красились и расписывались фресками, возникла маленькая сцена с прекрасным занавесом, откуда-то появилось пианино; создался уютный студенческий клуб с двумя залами; в одной была постоянная столовая, в другой устраивались вечера»*. Далее автор пишет: *«По субботам подвал изображал “роскошный балльный зал”. В зале со сценой расставлялись стулья и скамьи, занавес взвивался, и на сцене выступали певицы и певцы, куплетисты и рассказчики, декламаторы и пианисты, игравшие и классические и собственные произведения»*. После спектакля начинались танцы. Далее В. Лавров писал, что у студентов *«были выборные старосты: и на каждом отделении, и на каждом факультете, и даже в группе постоянных студенческих статистов городского театра»*. Был у студентов и свой «Союз русских студентов в Загребе».

Первоначально профессора не могли поверить, что люди,

воевавшие три–пять лет и отвыкшие от учения, смогут слушать лекции на малопонятном языке и сдать потом зачеты. Оказалось, что белые воины были не только их самыми старательными учениками, но и успешно справившимися с зачетами.

«Кузнечики» пришли и ушли. На их места в университете и в русском студенческом доме пришли другие, окончившие кадетские корпуса или загребскую Русскую реальную гимназию. Главным образом из студентов 26 декабря 1924 г. в Загребе было основано общество «Русский Сокол». Основанию общества «Русский Сокол» в Загребе способствовало другое событие.

В августе 1924 г. в Загребе состоялся югославянский сокольский слет. В город съехались несколько тысяч участников, в том числе и группа русских соколов и соколок. Были шествия по городу, массовые гимнастические выступления на стадионе. К тому же в Загребе одновременно состоялся и III Краевой съезд Русского Сокольства в Королевстве СХС (сербов, хорватов и словенцев, с 1929 г. – Югославия). Югославянские сокола предоставили русским гимнастический зал и помещение для собраний, так как общество «Русский Сокол» с первого дня своего существования было секцией Союза Соколов Королевства СХС. Оно имело полную автономию, но пользовалось всеми его льготами, включая бесплатные железнодорожные билеты и бесплатную деловую почту.

Главой общества «Русский Сокол» в Загребе (по сокольской терминологии «старостой») был избран Сигизмунд Сигизмундович Жеромский (25.12.1881, С.-Петербург – ?). В 1934 г. старостой стал Иван Алексеевич Поляков, затем Борис Яковлевич Мальцев, а после него Федор Федорович Вяткин (24.02.1902, Пирей, Греция – 21.5.1967, Киль, Германия), служивший в годы Гражданской войны в I Лейб-гвардии артиллерийской бригаде. В 1945 г. был арестован советскими органами и приговорен к смертной казни, которая была ему заменена 15 годами принудительных работ. После отбытия срока смог выехать к брату в Германию.

Интересна сокольская свадьба в Загребе, описанная в «Сокольской газете» (№ 32, 1938): *«Старший руководитель детского отдела бр. (брат – сокола и соколки считаются братьями и сестрами. – Р. П.) Роман Владимирович Ренненкампф 28. II с.г. сочетался браком с дочерью б. российского консула в Загребе Георгия Юльевича Ферхмина, Татьяной Георгиевной. Обряд венчания совершил Владыка Досифей. Жених венчался в сокольской форме, старший шафер – староста бр. Вяткин и шафера бр. бр. Греков и Егоров были тоже в сокольской форме. Жениха благословила с. (сестра) М. Вяткина вместе с его отцом Владимиром Романовичем. Много членов о-ва, сок. подростков и детей пришло в церковь поздравить новобрачных. Сестре Ренненкампф сок. подростком Ольгой Шишовой был передан букет цветов, перевитый русской нац. лентой от имени о-ва».*

В Сплите в 1927 г. было основано общество «Русский Сокол», просуществовавшее до 1928 г. В Осече сокольское общество было основано в 1934 г. Старостой был избран Д. А. Марченко, заместителями старосты Остерман и Савельев, начальницей Маноцкова (в 1938 г. де-Бодэ), начальником (в 1938 г.) Кудинов, воспитателем Зельтман. Общество просуществовало до 1941 г.

Сокольство было задумано как массовая спортивная организация. Действительными членами могли быть только лица старше 18 лет, которые до 27 лет должны были посещать гимнастические занятия. Занятия с детьми и подростками были задуманы как подготовка сокольской смены. Должное внимание уделялось также патриотической и культурной деятельности.

Спорт и гимнастика привлекали молодежь в сокольские ряды, но не всех и не везде. Поэтому летом 1924 г. на руднике Перник (Болгария) нашлась группа молодежи, которая, кроме «поддержания и охранения культурных и национальных ценностей и сохранения русского национального лица», поставила себе целью и «действенное объединение для борьбы за освобождение родины». Сперва группа называлась Кружком, но в 1927 г., после появления подобных кружков в других городах Болгарии и их объединения, был создан НСРМ.

Осенью 1924 г., независимо от начала деятельности «Кружка» в Болгарии, в Белграде (Королевство СХС) был

создан СРНМ – Союз Русской Национальной Молодежи, который ставил перед собой подобные же цели. Отделения Союза вскоре появились и в других городах королевства, в том числе и в Загребе. Председателем Загребского отделения Союза стал Михаил Николаевич Хлопин (14.04.1907, С.-Петербург – ?), сыгравший впоследствии значительную роль в создании НСНП.

Идеи НСРМ (Болгария) и СРНМ (Югославия) были подхвачены русской молодежью в других странах. Центральные правления этих союзов выпустили 1 сентября 1928 г. совместное воззвание, предлагающее созвать в Белграде съезд молодежи с целью объединения молодежных организаций в единый союз.

Для подготовки съезда в Сен-Жюльене (Франция) 27 июня 1930 г. состоялась конференция, созванная «Антикоммунистической лигой» (Лигой Обера), на которой встретились представители русской молодежи из Болгарии, Латвии, Франции, Чехословакии и Югославии. Приехавшие договорились о проведении учредительного съезда Национального Союза Русской Молодежи, который и состоялся в Белграде с 1 по 5 июля того же года.

На втором съезде в Белграде 25 декабря 1931 г., кроме упомянутых, были представители Бельгии, Польши и Литвы, но не было представителя Латвии. На этом съезде было принято новое название – Национальный Союз Нового Поколения, и был принят общий устав, вводивший единую струк-

туру для всех отделов. Доклад по уставу был сделан председателем Загребского отделения М. Н. Хлопиным.

Если загребские русские сокола собирались в югославянском Сокольском доме, то помещение для собраний НСРМ было получено в Русском студенческом доме на Кунищаче. Там в большой комнате на 20 человек проживали два бывших студента – члена НТСНП: поэт Павел Николаевич Зеленский (1904–1978), подписывавшийся псевдонимом МЭП (Молодой эмигрантский поэт) и поэт Михаил Николаевич Залесский (1905–1979). В издательстве НТС «Посев» в 1981 г. вышел сборник стихов Залесского «Златоцвет».

У Зеленского сборника стихов нет, но его песни «В былом источник вдохновенья» на мотив песни 5-го гусарского Александрийского полка и «Мы поколение...» на его собственный мотив печатались с нотами во всех НТСовских «Календарях памятках».

Кроме двух кроватей для постоянных жильцов, в комнате было еще две кровати для гостей. В 1936 г. мне пришлось там ночевать и затем не раз там бывать, вплоть до моего отъезда из Загреба в январе 1942 г., когда НТС формально уже перестал существовать.

Последним председателем Загребского отделения НТС был Георгий Яковлевич Киверов (1896, Россия – 15.08.1976, Мюнхен), поручик артиллерии, инженер-архитектор и художник, окончивший Загребский университет. В 1946 г. он основал в Гамбурге художественную школу, занимался ико-

нописью и преподавал иконопись в школе. Одно время работал в Аддис-Абебе (Эфиопия), но из-за климата вернулся в Германию.

В апреле 1941 г., после создания НДХ – Независимой Державы Хорватии, все организации, существовавшие до войны, были распущены. Особо строгие меры были приняты по отношению к соколам.

Татьяна Витальевна Рыбкина прислала мне текст приказа полиции города Загреба от 22 декабря 1941 г. бывшим членам Югославянского Сокола, в том числе и русским соколам, следующего содержания:

«Члены бывшего Югославянского Сокола на территории города Загреба призываются сдать свои сокольские формы или части форм в течение не более восьми дней полицейскому управлению города Загреба (ул. Джорджичева, 2, 1-й этаж) в служебное время от 8 до 13 часов. О сдаче формы будут выдаваться официальные подтверждения. Предупреждается, что за сдачей форм будет вестись строжайшее наблюдение, и против тех, кто не сдаст форму или ее части, будут приняты строжайшие меры, вплоть до отправки в концентрационный лагерь, а в случае задержки или возражений передачи – военно-полевому суду» (перевод наш. – Р. П.)³⁴. Подобные приказы, вероятно, отдавались и в других

³⁴ Redarstvena oblast za grad Zagreb. Prs.broj 32.423-41. Zagreb, 22.prosinca 1941. Poziv. Pozivaju se članovi bivšeg Jugoslavenskog sokola sa područja grada Zagreba, da u neprekoračivom roku od 8 (osam) dana predaju svoje sokolske odore ili njihove dijelove Redarstvenoj oblasti za grad Zagreb (Dordićeva ulica broj 2 I

городах.

Т. В. Рыбкина прислала мне и копию письма Исполнительного бюро НТС от 15.07.1941 министру иностранных дел НДХ за подписью главного секретаря исполнительного бюро Михаила Александровича Георгиевского (1888–1950) и председателя отделения в Загребе Георгия Яковлевича Киверова. В письме выражалась просьба молчаливого разрешения и одобрения всей деятельности Союза, включая согласие на поддержку стараний Союза основать Хорватско-русское общество, и на разрешение М. А. Георгиевскому переехать из Земуна в Загреб, с правом на выезд за границу и возвращение в НДХ. В письме подчеркивалось, что это письмо и все предыдущие шаги делаются с ведома и согласия представителя русской эмиграции в НДХ господина Г. Ферхмина. Не добившись положительных результатов, НТС оказался на нелегальном положении. М. А. Георгиевский остался в Земуне, а Г. Я. Киверов в 1942 г. уехал из Хорватии на работы в Германию для дальнейшего продвижения на оккупированную немцами территорию СССР.

В декабре 1941 г. в Загребе была открыта выставка

---

kat) za vrijeme uredovnih sati od 8 do 13 h. O predaji odore izdavat će se uredovne potvrde. Napominje se, da će se o predaji odora voditi najstrožiji nadzor, te će se protiv onih, koji predaju odora ili njihovih dijelova ne izvrše u određenom roku najstrožije postupati, t.j. biti će upućeni u koncentracioni logor, a u slučaju većeg propusta, odnosno protuslovlja ovoj naredbi – stavljeni pod prieki sud. Redarstvena oblast za grad Zagreb. (Hrvatski državni arhiv, Zagreb. Zbirka štampata, 104/55) размер 95 × 63 см.

«Борьба объединенной Европы на Востоке» (Borba Udružene Europe na Istoku). Когда я приехал в Загреб для дальнейшего следования в Германию, члены НТС посоветовали мне посетить эту выставку, чтобы не иметь никаких иллюзий насчет целей, которые преследуют нацисты. Война велась не ради уничтожения коммунизма, а для захвата территорий. Выставка была одновременно и антикоммунистической, и антисемитской, и антирусской.

Считая, что русским эмигрантам в тяжелые годы войны надо быть вместе с русским народом, группа загребских членов НТС заключила осенью 1941 г. договор с одной немецкой фирмой, работавшей около Киева. С этой группой произошел вскоре у немцев скандал. Нескольким молодым членам НТС вместо канцелярской работы хотели выдать винтовки и послать их охранять лагерь военнопленных, работавших на пригласившую их фирму. Все отказались и потребовали соблюдения договора. Как хорватским подданным это им удалось, но этот случай и то, что члены НТС быстро нашли общий язык с местным населением, способствовали тому, что немцы распорядились русских эмигрантов с любым подданством не нанимать на работу на оккупированную территорию СССР.

После этого у членов НТС не было другого выхода, как ехать в Германию якобы на работу, а затем бежать с работы и нелегально пробираться на оккупированную немцами или румынами территорию СССР.

В границах Хорватии 1941–1944 гг., кроме отделения НТС в Загребе, оказались отделения в Сараеве (председатель Доне), Баня-Луке, Тузле (председатель поэт Александр Николаевич Неймирок) и Земуне.

За годы войны Хорватию покинули почти все члены НТС. Оставшийся в Загребе Ф. Ф. Косарш был арестован в июле 1945 г., обвинен в том, что с 1937 г. являлся одним из руководителей НТСНП и приговорен к смертной казни. Известно, что несколько пожилых членов НТС, оставшихся по разным причинам в Сараеве, были арестованы и отправлены в СССР, в том числе и председатель отделения, гвардейский офицер Доне, который, отбыв 15 лет в концлагере, скончался в СССР в доме для заключенных-инвалидов в Потье.

Главный секретарь Исполнительного бюро и фактический руководитель НТСНП в 1930-е гг. М. А. Георгиевский (МАГ), пытавшийся накануне войны наладить связь с членами НТСНП в США, был в Земуне в октябре 1944 г. арестован партизанами Тито и передан органам советской госбезопасности. На Лубянке он подвергался допросам и шесть лет спустя, 12 сентября 1950 г., был расстрелян.

Для описания деятельности НСРМ, СРНМ и НТС была частично использована книга «Ранние годы» Л. Рара и В. Оболенского («Посев», 2003), а также материалы, присланные Т. В. Рыбкиной, за что автор выражает ей особую благодарность.

4. Скауты-разведчики в Югославии уходят в подполье Апрель–июнь 1941 г

Германия в союзе с Италией, Венгрией и Болгарией напала рано утром в воскресенье 6 апреля 1941 г. на Югославию. Слава (Святослав Владимирович) Пелипец (1916–1946), который незадолго до войны был призван в армию, отбывал воинскую повинность в Школе артиллерийских офицеров запаса. В артиллерию он попал потому, что, будучи агрономом, должен был знать уход за лошадьми, а югославянская артиллерия вся была на конской тяге. Вместе со школой Слава был послан защищать Сараево на какие-то несуществующие позиции. Ни он, ни его начальство не знали, куда им идти, и блуждали по горам, пока не наткнулись на немцев и не сдались в плен. Немцы пленных повели на сборный пункт в Сараево. Славе удалось бежать в прилегавшие к городу леса, хорошо ему знакомые по разведческим походам.

В предрассветном тумане, сбросив с себя форму, босиком, в одном белье, он перешел вброд реку Миляцку и почти сразу оказался дома. Из-за апрельского холода и ледяной воды Слава сильно простудился, и когда немцы, под угрозой расстрела, потребовали, чтобы все бежавшие из плена или разбежавшиеся из воинских частей добровольно явились в

плен, Слава решил никуда не идти, а дома у матери лечиться от простуды. Положение Славы было опасным. Он боялся выходить днем на улицу, чтобы его кто-нибудь не узнал и не донес, а вечером не мог выходить из-за полицейского часа. Сперва немцы установили полицейский час в 8 часов вечера, но затем перенесли его на 9 вечера.

Югославия капитулировала, не успев провести всеобщую мобилизацию. Так, Борис Мартино, хоть и был офицером запаса, не был призван, и решил, что незачем добровольно являться в плен. Чтобы не попасть случайно в облаву, Борис тоже первые дни отсиживался дома. Только я, со своим студенческим удостоверением, мог ходить свободно по улицам, так как всем было известно, что студентов в армию не брали. Таким образом, я оказался свидетелем шествия военнопленных, которых вели почти без конвоя на вокзал для отправки в Германию. Зрелище было тяжелым. Впереди шли два или три генерала, за ними полковники, младшие офицеры и солдаты. У многих, но не у всех, в руках были небольшие деревянные сундучки с вещами. Несмотря на угрозу расстрела, многие в плен не явились, и мне кажется, немцы их и не искали.

В Сараеве не было местного радио, и немцы свои распоряжения давали через объявления. Темы были разные, но все кончались одинаково: за неповиновение – расстрел. Были и менее кровавые объявления, например, с изображением немецких бумажных денег и монет, которые стали обяза-

тельными к приему по принудительному курсу – 20 динаров за 1 марку.

Югославская полиция обеспечивала порядок в городе, но были и немецкие полевые жандармы. У югославских полицейских, в знак капитуляции, были белые повязки на рукавах.

Мне стало ясно, что ни о каком скаутском походе в день св. Георгия не могло быть и речи. Единственно, что можно было бы сделать, так это собрать ребят на молебен в церкви. Батюшка был доволен таким решением. До войны православный день св. Георгия 6 мая был выходным. Войска, школы и югославские скауты до зари уходили в горы. Таков был обычай, и делалось это в память тех сербских четников, которые в день св. Георгия все годы турецкого ига собирались в лесах, чтобы оказывать вооруженное сопротивление туркам. Сербь ежегодно соблюдали этот обычай и уходили в горы до зари, а за ними не спеша шли и мы, русские скауты-разведчики, и хорваты, и даже мусульмане.

В Сараеве в 1941 г. день св. Георгия был рабочим, но так как школы были закрыты, то в церкви собралась вся дружина, кое-кто из родителей, да и кое-кто из сербов.

Власть в Хорватии немцы сразу передали усташам – самой зверской из всех профашистских партий, которые уже 10 апреля 1941 г. провозгласили в Загребе Независимую Державу Хорватию. Независимость эта была относительной, так как Хорватия была разделена на две зоны оккупации – немецкую

и итальянскую.

Во главе усташей стоял Анте Павелич (1889–1959), который в 1915–1929 гг. был секретарем хорватской партии Права и с 1927 по 1929 г. членом Народной скупщины (парламента Королевства СХС)³⁵. По моим сведениям, после роспуска парламента в 1929 г. он пытался поднять неудавшееся восстание в Лике, после чего уехал в Австрию, а потом в Италию, устроив для усташей тренировочный лагерь в Янка Пуста (Венгрия). Он прибыл в Хорватию в обозе итальянско-германских войск и объявил себя главой страны – полглавником.

7 июня было объявлено о присоединении Боснии и Герцеговины к НДХ. В Сараеве появились усташаи, приехавшие из эмиграции, и к ним потянулись далеко не лучшие из местных католиков и мусульман. В Боснии и Герцеговине большинство принадлежало сербам³⁶, даже среди католиков, которые считали себя хорватами, было немало потомков боснийских сербов, насильственно переведенных в католичество в 1450-х гг. Хорваты в Боснии и Герцеговине были в меньшинстве, и усташаи решили объявить всех мусульман хорватами мусульманской веры. Большинство мусульман считало себя сербами по происхождению, и у них было свое культурно-просветительное общество «Гайрет», но бы-

---

³⁵ Александров К. М. Примечания к статье Я. А. Трушновича «Русские в Югославии и Германии, 1941–1945 гг.» // Новый часовой. СПб., 1994. № 2. С. 159.

³⁶ «Большей частью сербы» (Босния и Герцеговина) // МСЭ. 1934. Т. 2. С. 3.

ли и такие, кто считал себя хорватами мусульманской веры. У них было свое небольшое культурно-просветительное общество.

Получив власть в НДХ, усташи принялись за физическое истребление сербов. Считается, что из 1890 тысяч сербов, оказавшихся в 1941 г. в НДХ, 700 тысяч было убито, а 240 тысяч насильно переведено в католичество. По данным «Илустроване политике» от 11 июля 1989 г. из 350 сербских православных епископов, священников и монахов 219 человек было замучено и убито. Сараевского настоятеля русского православного прихода усташи не тронули потому, что уже 14 мая МВД НДХ распорядилось не трогать православных священников черногорцев, македонцев, болгар, румын, украинцев и русских и освободить из концлагерей с возвращением имущества тех, кто был арестован в первые недели усташского произвола.

Православным было запрещено называться «православными». Их стали официально называть греко-восточниками, и для них, включая и русских, был введен особо строгий полицейский час – не 9 часов вечера, а 5 часов дня. Пойманных расстреливали на месте. Сербы стали уходить в горы к четникам-монархистам. Коммунистические партизаны только после 22 июня стали готовиться к восстанию, которое вспыхнуло в Боснии и Герцеговине 27 июля.

Итальянцы старались защитить мирное сербское население, а немцы поначалу не мешали усташам расправляться с

сербами. Только когда немцы столкнулись с партизанщиной, они стали одних сербов вывозить на работы в Германию, а других отправлять в Сербию как беженцев. При этом немцам приходилось охранять беженцев от усташей. Позже стали известны случаи, когда в защиту безоружных сербских беженцев в бой с усташами вступали казаки или части Русского корпуса³⁷.

С присоединением Боснии и Герцеговины к Хорватии в НДХ оказались, кроме Загребского и Сараевского русских

---

³⁷ Александров К. М. Трагедия русского казачества: 1943–1944 гг. // Новый часовой. СПб., 1996. № 4. С. 108–109. В статье сказано: *Чины 1-го полка Корпуса в конце апреля 1942 г., занимая высокий правый берег р. Дрины у села Луговица, открыли огонь по усташам, которые готовились уничтожить огромную массу несчастных сербских беженцев, бежавших из Боснии. Обстреляв хорватов, русские перевезли на сербский берег Дрины более 2500 человек, а также их домашний скarb и скот. Позднее, летом 1942 г. корпусники спасли более 1000 сербов, в том числе несколько сот детей-сирот. (Полковник М. Т. Русский корпус в Сербии во время 2-й мировой войны // Под Белым Крестом. Апрель 1955. № 4. С. 19–20). Не оставалась в стороне и дивизия Панивица. В районе села Джаково (Босния) ночью 3 января 1944 г. усташки собирались живьем сжечь около 200 сербов, загнав их в печи бывшего кирпичного завода. Узнав об этом, казаки 1-го дивизиона 1-го Донского полка вместе с командиром дивизиона майором вермахта Максом примчались на место происшествия и стали насильно освобождать сербов. Около роты усташей открыли огонь, а казаки начали им отвечать. 17 казаков и 2 офицера были убиты, хорваты потеряли более 30 человек. Оставшихся донцы взяли в плен и отпустили, перепоров плетью. Обреченных сербов спасли. В апреле 1944 г. в районе г. Петриня казаки 3-й сотни 1-го дивизиона 5-го Донского полка спасли от взрыва православный храм. Опять между усташами и казаками вспыхнула короткая перестрелка, в которой погибли 1 казак и 2 усташа. Традиционно выпоров хорватов, кононовцы их отпустили. (Черкасов К. Генерал Кононов. Т. 2. Мюнхен, 1965. С. 24–26).*

отрядов скаутов-разведчиков и отряда в Баня-Луке (просуществовавшего под руководством Георгия Львовича Лукина (р. 1922) с августа 1941 по сентябрь 1942), также и одиночки в Осеке, Суне, Карловце, Сплите, Славонском Броде, Варцар-Вакуфе, Яйце, Турбе и Земуне.

Малика Мулича война застала в Белграде, и немцы решили ему, как хорвату мусульманской веры, вернуться в Сараево. Перед этим у Мулича была встреча с Максимом Владимировичем Агаповым-Таганским (1890–1973), который просил сообщить Борису Борисовичу Мартино, что он передает ему свою должность начальника ИЧ – Инструкторской части НОРС-Р, так как в силу обстоятельств не может ее исполнять. Мы решили не прекращать разведческой работы, а уйти в подполье, а Мартино, став начальником ИЧ, решил возглавить эту работу. В связи с этим НДХ стала на короткое время центром подпольной разведческой работы в Европе.

ИЧ, конечно, можно было рассматривать как Главную квартиру НОРС-Р, но этого нигде не было сказано. Вернее, О. И. Пантюхов в приказе № 257 от 31.07.32 обещал «выслать дополнительно» Положение о правах и обязанностях начальника ИЧ, но, кажется, так этого и не сделал. Первым начальником ИЧ был Борис Иванович Цыновский (1902–1941), вторым – Александр Михайлович Шатерник. Оба, поработав некоторое время, отказались, и тогда был назначен Агапов.

Мартино не был помощником Агапова, а был только сотрудником и редактором «Вестника инструкторской части». Его работа состояла в сборе заметок о жизни и работе русских скаутов в разных странах и рассылке «Вестника...».

В Сараеве я работал в главной канцелярии «Югочелика», предприятия, которое вскоре было переименовано в «Хрватски рудници и талионице» (Хорватские рудники и литейные заводы). Рудников было несколько в разных местах, а в Зенице были сталелитейные заводы. Немцы приходили и не только забирали со складов гвозди, проволоку и профильное железо, но и заказывали все, что только мы могли для них сделать. Немцы за все расплачивались своими оккупационными марками, которые имели хождение наряду с местными динарами. Как потом оказалось, это было грабежом. Немцы платили деньгами, которые правительство Хорватии должно было потом, собрав у населения, уничтожить, не получив от немцев ничего взамен.

Настроение у служащих, как сербов, так и хорватов, было подавленным. О продолжении учения в Белградском университете не могло быть и речи, а мне оставался последний экзамен, который я должен был сдавать летом. Я решил перевестись в Загребский университет и попросил у моего шефа Црнича отпуск. Он с полным безразличием предложил мне написать необходимые бумаги и дать ему на подпись. В бумагах надо было сказать, что я получил на работе отпуск для поездки в Загреб для оформления записи в университе-

те и для дел, связанных с этим. Без подобного документа я бы не мог получить в полиции разрешения на пользование железной дорогой.

Я двинулся в путь 17 мая и решил использовать поездку для восстановления связи с Загребским отрядом, где кроме двух звеньев разведчиков и звена старших разведчиц была еще и стая волчат и пчелок (мальчиков и девочек 7–10 лет) и для посещения одиночек. Вместо того чтобы поехать прямо в Загреб, я поехал сперва в Яйце, где у нас была группа одиночек.

Разгром Югославии болезненно воспринимался русской эмиграцией, и хотя в продолжительность германско-советской дружбы никто не верил, у всех было подавленное настроение. Родителям я сказал, что, конечно, ни о каком лагере не может быть и речи, что я сейчас еду в Загреб, где надеюсь узнать немного больше о том, что теперь будет с русскими в Хорватии. Я старался поднять дух, говорил о необходимости не терять связи и о том, что надо во что бы то ни стало сохранить нашу разведческую организацию, конечно, под новым названием и не в том виде, в каком она существовала до войны.

Если мы в Сараеве чувствовали себя отрезанными от всего мира, то в маленьком боснийском городке Яйце подобное чувство ощущалось еще сильнее. Мальчик и девочка 12–13 лет делились со мной своими военными переживаниями. Война так быстро прокатилась через их город, что они

не успели ее по-настоящему осознать. Жизнь входила в нормальную колею, и все были целиком заняты починкой военных разрушений.

Поговорив с одиночками и их родителями, я двинулся дальше в Мркониц-Град, которому хорваты вскоре вернули его старое имя – Варцар-Вакуф. Там жила Таня Балабанова, вожак банялукского звена «Василек». Раньше из Яйце в Мркониц-Град можно было проехать автобусом, но оказалось, что он больше не ходит. Вместо него, да и то не в Мркониц-Град, а в какой-то городок поблизости, можно было проехать в телеге. Я решил, что это хоть и не лучший, но все же выход из положения, и занял место.

Почему телега не шла до самого Мркониц-Града, я узнал уже от спутников. Оказалось, что Мркониц-Град находится в зоне итальянской оккупации, в то время как Сараево и Яйце были в немецкой зоне. Для перехода границы между зонами нужно было какое-то специальное разрешение. Его у меня не было, но я решил планов не менять, а положиться на авось. Дело было не в молодости и легкомыслии, а в отсутствии ощущения, что настали иные времена.

Дорогу преграждал шлагбаум, около которого была будка с берсальерами. Я показал им немецкий пропуск и они, сказав что-то по-итальянски, позволили мне идти дальше. Тогда я вынул фотоаппарат и жестом попросил их встать перед их будкой, перед которой они из камушков сложили знак фашистов, нацистскую свастику и сделали по-итальянски над-

пись «ось Рим–Берлин». Мы поулыбались друг другу, и я пошел своей дорогой. Ни они, ни я еще толком не знали, что такое война. Подумать только, что они пропустили человека с фотоаппаратом, не зная, ни кто он, ни зачем и куда он идет. Они говорили только по-итальянски, а я по-итальянски говорить не умел. Вскоре я оказался в Мркониц-Граде у Балабановых. Мать Тани была сербкой, говорившей по-русски. Долго я не задерживался, так как телега в Баня-Луку шла по расписанию, и я не смел опоздать. Разговор был примерно таким же, как и в Яйце.

Я прошел мимо берсальеров, помахав им бумажкой, но тут же меня встретили немцы. Я им показал немецкий пропуск, а они спросили меня, как я оказался в итальянской зоне. Я им сказал, что у меня были неотложные семейные дела. Разговор затягивался, и я им наконец сказал, что мне негде ночевать и что пусть они меня либо арестуют, либо отпустят в Баня-Луку. Немцы решили меня отпустить, обругав итальянцев крепкими сербскими словами, которые они уже успели выучить, за то, что у них царит беспорядок. А в Мркониц-Граде мне говорили, что итальянцы хорошие люди и что они не позволяют хорватам-ушастам обижать мирное сербское население.

В Баня-Луке я поделился новостями с некоторыми из родителей, от которых узнал, что хорваты, воспользовавшись тем, что во время бомбардировки бомба слегка повредила православный собор, приказали его разрушить. На следую-

ший день я пошел посмотреть на рабочих, которые кирками ломают стены собора, и не удержался, чтобы не сфотографировать. Сделал я это из-за угла, оглядевшись перед этим по сторонам.

В Загребском университете были со мной не очень ласковы. Меня стали стыдить, что я из хорватской Боснии ездил в университет к сербам. Я стал оправдываться, что в Загреб надо было ездить с пересадкой в Славонском Броде, а в Белград было ближе, дешевле и без пересадки.

Служащий, рассматривая мои документы, и увидя, что я «рус», сказал: «Все понятно, греко-восточник и тянулся к своим “влахам” (оскорбительная кличка для православных-сербов), впрочем, пишите молбу (прошение), а мы там посмотрим».

29 мая меня приняли в университет с условием предъявить свидетельство о рождении и аттестат зрелости. В Загребе я пробыл примерно десять дней. У меня было много разговоров со старшими о будущей работе. Я предложил оформить работу с детьми под названием «Национална младеж руске колоније», скрывать связь с разведческой организацией и делать вид, что вся работа ограничивается только Загребом и не преследует никаких особых целей.

Предъявив разрешение на поездку из Сараева в Загреб и обратно, я вместо билета в Сараево взял билет до Осека, хотя он мне и не был по пути. Нечто подобное можно было сделать только в мае 1941 г., до начала партизанщины. Людям

тогда казалось, что после военного урагана все постепенно возвращается к более или менее нормальной жизни.

Последний раз я был в Осеке осенью 1940 г. Тогда я основал там два звена: «Амурский тигр» из младших ребят и звено (не помню названия) из старших. Младшее звено собиралось регулярно, а старшее распалось после отъезда вожака в Суню. Поэтому я пошел прямо к «Амурским тиграм» и нашел их в полном смятении. Устроив сбор звена, я узнал, что ребята, как только пришли немцы, сожгли звеновой флажок, литературу и все, что могло свидетельствовать о том, что они были когда-то разведчиками. Я им сказал, что «не так страшен черт, как его малюют», рассказал, что и как мы делаем в Сараеве и Загребе, что, конечно, лагеря в этом году мы не сможем устроить, но что в будущем году его обязательно устроим.

У ребят разгорелись глаза, все стало оживленно говорить, и тут-то Овсянников, помощник вожака, сказал, что он ни «Третий разряд», ни песенник, ни наши журналы не сжег, а спрятал в тюфяк.

Я сказал, что прятать ничего не надо. Тот, кто что-то прячет, тем самым признает, что делает что-то недозволенное. Надо только разведческую литературу держать подальше от чужих глаз, а в случае чего признаться, что до войны состоял в разведческой организации, которой теперь больше нет, а журналы остались, и в этом нет ничего плохого. Я похвалил Овсянникова, а он так растрогался, что сказал, что не изме-

нил бы разведчеству, даже если бы ему дали сто динаров.

– Ну а за двести? – спросил я его.

– Даже за четыреста не изменил бы! Это было сказано наивно и по-детски, но зато от всей души.

Вечером собрались родители. Я, как приехавший из Загреба, рассказал обо всех новостях, о новых условиях для разведческой работы и добавил, что если они хотят сохранить организацию для своих детей, то должны будут оформить все это как работу в рамках Русской колонии.

Путешествовать по Хорватии было непросто. Не прошло и двух месяцев после капитуляции Югославии, повсюду были следы разрушений. Многие мосты были разрушены, и через реки приходилось переходить по каким-то досточкам, долго ждать поездов и пересаживаться из одного состава в другой. Приходилось много ходить пешком, недосыпать и недоедать.

5. В Хорватии

22 июня 1941 г. – 26 января 1942 г

В воскресенье 22 июня 1941 г. мы решили пойти на целый день на гору Требевич. День обещал быть хорошим, и мы, соблюдая правила конспирации, двумя группами в штатском, конечно, без малышей, а только старшие, двинулись в путь. Встречались мы на опушке леса, где росли из одного корня сразу три березки. Березы в Сараеве встречались редко. Мы их давно полюбили, принимая их как какой-то символ России.

Я жил на улице короля Твртка в доме № 3, и он был местом встречи для Игоря Москаленко и Клавдия Цыганова, которые жили на той же улице, и Бори Мартино, который жил недалеко от нас и которому мой дом был по пути.

Подъем на Требевич начинался сразу же, на другой стороне реки Миляцки. Город лепился по нижним склонам горы. Вместо тротуаров у крутых улиц были ступеньки, и в трехэтажные дома можно было входить с улицы на любой этаж. В одном из таких домов жил хорошо знакомый всем нам, друг нашей семьи, русский немец Евгений Иванович Гердт. Когда мы проходили мимо его дома, нас увидела из окна вся заплаканная его жена Мария Иосифовна, которая обратилась к нам:

– Дети, война началась! – И снова заплакала.

Мы переглянулись. В Европе война давно идет, и уже успела зацепить и разрушить Югославию. В чем дело, подумали мы, и в один голос спросили:

– Какая война?

– Настоящая война, – сказал появившийся в дверях Евгений Иванович. По радио сообщили, что сегодня, на рассвете, Германия напала на СССР, что Красная армия разбита и что Верховное командование обещает молниеносно закончить поход на Восток. Но я этому не верю, – добавил Евгений Иванович, – я слишком хорошо знаю Россию и русский народ.

Мы же, наоборот, обрадовались. Мы стали говорить, что вот сейчас, когда народ получит оружие в руки, он свергнет ненавистное ему советское правительство, и что война даст толчок к национальной революции, о чем неоднократно и много говорили братья Солоневичи³⁸.

Гердт только качал головой и повторял: «Эх, дети, дети». Да, он знал всех нас с раннего детства. Это он давал русской школе рождественские подарки для нас, мальчиков.

Мы простились и пошли дальше в гору. Настроение у нас было приподнятое. Мы с жаром обсуждали последнюю но-

---

³⁸ Например, О. И. Пантюхов опубликовал 15 октября 1934 г. «Выдержки из письма бежавшего из советской тюрьмы Бориса Солоневича “Все ждут гибели этой власти и жаждут войны”» («Приказы, инструкции и беседы Ст.р.ск. 1921–1939», Санта-Роза (США). 1996. С. 156). Подобные высказывания встречались и в других статьях и выступлениях Б. Солоневича.

вость, взволновавшую и обрадовавшую нас. Мы одинаково надеялись, что наконец-то пришло время национальной революции. Споров не было.

У березок нас уже ждал Жорж (Георгий Алексеевич, р. 1922) Богатырев и с ним две или три разведчицы. Мы немножко углубились в лес, чтобы нас не было видно с дороги, и, сложив всю взятую с собой еду вместе, как это у нас было принято, немножко подкрепились. Наша новость, конечно, всех поразила. О том, что освобождение России от коммунизма дело только времени, никто не сомневался. Всем было ясно, что теперь наше место в России с русским народом. Вопрос был только, как нам туда попасть и что нам там делать. Все были согласны, что вместо пионерии мы вернем разведчество. Говорилось о том, что разведчество не смеет быть монопольным, каким была пионерская организация, что, конечно, надо будет возродить и сокольство, и что в России ребят хватит на всех.

Не сговариваясь, кто-то затянул песню:

Слыхали ль вы про тот народ,
Что славой, славою живет,
И что пойдет он смело в бой,
Чтоб защитить свой край родной...

Добровольческие и дореволюционные песни сменились советскими. Мы их пели потому, что наших песен в Советском Союзе не знают, а чтобы нас приняли как своих, нам

надо было петь вместе, а значит, советские песни, потому что ничто как песня не сближает поющих.

Долго оставаться в лесу мы не могли. Для нас, православных, или греко-восточников, как нас называли усташи, был особо строгий полицейский час. Уже в пять часов вечера все мы должны были быть дома. Примерно в три часа мы двинулись в обратный путь. Жоржу и девушкам было дальше, чем нам, а мы, оказавшись задолго до полицейского часа в городе, решили еще зайти к Славе Пелипцу.

Выйдя из леса на дорогу и проходя мимо ресторана в доме лесника, мы услышали пьяных усташей, которые с подъемом пели:

Стои гора Требевич,
На ней седи Павелич.
Пие вино, пече яньце,
Коле србиянце...

(Стоит гора Требевич,
На ней сидит Павелич.
Пьет вино, жарит ягнят,
Режет сербов...)

Эта пьяная песня вернула нас к реальной жизни и к ужасу, царившему вокруг нас. Бодрое настроение сменилось очень даже грустным. Мы начали рассказывать друг другу о судьбе наших сербских друзей и знакомых. Мы никак не могли

понять, как можно арестовывать и даже убивать невинных людей только потому, что они сербы.

Слава Пелипец уже давно выздоровел, но отсиживался дома. Как всегда, он был рад нам, а в этот день особенно, так как у него было радио, и он уже знал о начавшейся войне против СССР, и ему хотелось поделиться с нами мыслями и планами. Он сказал, что ему надоел его домашний арест и что он надеется с помощью НТСНП оказаться на освобожденной от большевиков земле. Падение большевизма, как мы понимали, должно было привести к ликвидации колхозов, и тут-то Слава надеялся применить свои знания агронома на пользу русского крестьянства, которое наконец-то освободится от колхозного рабства.

До войны в воскресные дни на Требевиче было полно народу, а теперь Требевич был пуст. По Требевичу гуляли немцы и усташи со своими барышнями да случайные горожане.

До 22 июня четники занимались главным образом саботажем на железных дорогах, а 27 июля в Хорватии восстание подняли коммунистические партизаны, назвавшиеся так в отличие от монархистов-четников. Все железные дороги в Боснии и Герцеговине были узкоколейными (76 см ширины) и проходили по лесистой и гористой трудноохраняемой местности. Особенно опасной для немцев была дорога из Сараева в Белград, проходившая вдоль крутых обрывов над рекой Дриной. Поезда, падавшие вниз, разбивались в щепки. К тому же на 400 км пути приходилось более ста туннелей.

Дорога на юг, вдоль реки Неретвы, была не менее опасной. Вскоре обе эти дороги были выведены из строя. Когда же дорога на север была тоже захвачена повстанцами, то Сараево оказалось в полном окружении. Хорватская регулярная армия, называвшаяся домобранцами, храбростью не отличалась. В столкновениях с более сильным противником домобранцы сразу сдавались, зная, что в плену им плохо не будет. Многие переходили на сторону четников или партизан. Не желавших переходить в ряды четников или партизан, людей более пожилых и семейных, заставляли работать. С работы было легко бежать, и такие беглецы, возвращаясь в строй и рассказывая о хорошем отношении к пленным, разлагали таким образом хорватскую армию изнутри.

За несколько дней до присоединения Боснии и Герцеговины к НДХ меня и всех прочих православных уволили с работы в Югочелике, переименованном усташами, как я уже писал, в «Хорватские рудники и литейные заводы». Это было сделано по закону «Об исправлении несправедливостей». В моем удостоверении сказано, что 4 июня я зарегистрировался как безработный и уже 11 июня получил первое пособие – 90 динаров.

Эти 90 динаров были меньше трети моего жалования, но зато, как безработный, я имел право на бесплатный проезд по железной дороге, если найду себе работу в другом городе. Зарахович, отец наших разведческих руководителей Нади и Вовы, занимал крупный пост в одной загребской фирме

и прислал мне приглашение обсудить возможность получения работы. Такое письмо фирму ни к чему не обязывало, но для меня было основанием получить разрешение на поездку и бесплатный билет. Я получил и одно и другое, но не мог выехать из Сараева, так как город был окружен. Пришлось ждать, пока немцы с хорватами не прорвут окружение и не восстановят движение.

Слава Пелипец и рад бы был уехать из Сараева, но, пока мы были в окружении, должен был отсиживаться дома. У него было радио, и оно ему скрашивало жизнь. Однажды, поздно вечером, в поисках интересного, он вдруг услышал передачу по-русски, да не какую-нибудь, а НТСовскую. НТСНП призывал бойцов Красной армии повернуть штыки против своего главного врага и положить конец советской власти. Излагалась вкратце союзная программа, в которой говорилось о ликвидации колхозов и о многом другом. Слава схватил бумагу и карандаш и начал записывать. Впечатление было, что передача ведется с русской земли. Слава был сильно взволнован и только ждал прихода к нему кого-нибудь из нас. Нас эта новость взволновала не меньше, чем Славу. О том, что НТС уже действует на родной земле, стало достоянием многих русских сараевцев, в первую очередь, конечно, членов Союза.

Передачи как неожиданно начались, так же неожиданно и прекратились. Мы поняли, что немцы тому виной. Мы знали, что нацисты против НТСНП, и история с союзными пе-

редачами только подтвердила, что нам с ними не по пути.

Спустя много лет совершенно случайно я узнал от проф. Михаила Заречняка, что это он и его жена Галина Васильевна, в те годы молодые члены отделения НТСНП в Братиславе, с начала войны в 12 часов ночи вещали против советского строя по радио Братиславы. Галина Васильевна была знакома со словацким заместителем министра пропаганды и от него получила разрешение на ведение передач. Радио «Москва» обозвало членов Союза «продажными пищалками», а немцы, которые тоже были недовольны русским голосом в эфире, через 6 дней прекратили передачи, сказав, что через каких-нибудь 6 недель они возьмут Москву, и в помощи НТСНП не нуждаются.

Связь Сараева с Загребом была восстановлена, и я уже 9 июля снова посетил Загребский университет, сдал нужные документы, что и было отмечено в моем студенческом удостоверении. Вскоре в Загреб уехали и Слава Пелипец, и Жорж Богатырев.

Если моя поездка в Загреб в мае 1941 г., а значит, до 22 июня, была трудной, но спокойной, то в июле все выглядело иначе. На станции в Сараеве, при покупке билета, служащий внимательно проверил мое разрешение на поездку, потребовал удостоверение личности и внимательно сверил меня с фотографией в документе. Поезд тоже выглядел иначе. Перед паровозом была платформа, переделанная в бронированный и ошетилившийся пулеметами вагон, а перед брони-

рованным вагоном – открытая платформа, груженная камнями, чтобы в случае взрыва мины ни броневAGON, ни паровоз не пострадали. Я ехал первым поездом из Сараева в Славонский Брод после прорыва блокады, и потому броневAGON был украшен цветами. Я, с разрешения солдат, сфотографировал броневAGON себе на память. Ехали мы мимо разрушенных и сожженных железнодорожных станций и множества крестьян, день и ночь охранявших железнодорожное полотно. Обстановка была напряженной, и я решил не рисковать, никого по дороге не посещать, а ехать прямо в Загреб.

В моем студенческом удостоверении сказано, что я 9 июля удовлетворил требования, а значит, получил право сдавать осенью экзамен. Это был бы мой последний экзамен, от которого зависело, получу я диплом или нет.

Настроения русских в Загребе в июле отличались от настроений в мае. Если в мае настроение было подавленным, то после 22 июня появились какие-то надежды. Уже 15 июля НТС обратился к министру иностранных дел НДХ с письмом, в котором было сказано, что НТС ставит себе целью подготовить русскую эмиграцию к новой политической жизни в освобожденной России и одновременно укрепить братские, дружеские отношения между хорватским и русским народами, что НТС не партия, а политическое движение, и что НТС просит у правительства НДХ защиты и поддержки в виде «молчаливого разрешения и одобрения деятельности Союза, в том числе в создании Хорватско-русского об-

щества, которое бы имело целью продвижение общих интересов хорватского и русского народов», а также разрешение переезда главного секретаря Исполнительного бюро проф. Михаила Александровича Георгиевского (?–1950) в столицу НДХ Загреб. Письмо было подписано Георгиевским и председателем Загребского отделения Союза инж. Г. Я. Киверовым.

Переезд М. А. Георгиевского в Загреб не состоялся, но ни он, ни Киверов арестованы не были. За их деятельностью усташаи, конечно, следили, что и вынудило Киверова при первой возможности покинуть Хорватию.

Осенью 1941 г. одна немецкая фирма объявила среди русских эмигрантов набор чертежников и переводчиков для своего отделения под Киевом. В эту группу записались Игорь (Николаевич) Шмитов (1922–1982) с отчимом и матерью. Они, как и почти все прочие, были членами НТС. О своих впечатлениях Игорь написал в статье «За чертополохом», которая была напечатана в загребском подпольном разведческом журнале «Ярославна» (1942. № 6, июнь).

Название статьи заимствовано у бывшего донского атамана Петра Николаевича Краснова (1869–1947), ставшего в эмиграции известным писателем. В своем фантастическом романе «За чертополохом» он рассказал, как после эпидемии чумы у Запада прервались все связи с СССР, граница заросла чертополохом, и никто, кроме одного молодого эмигранта, не решался проникнуть в зачумленную страну. Вы-

ражение «за чертополохом» стало в 1930-е гг. в эмиграции весьма ходким. Шмитов писал:

«Еще не улеглись впечатления от мировых великанов городов, от Вены и Берлина, а уж скорый поезд мчался с маленькой кучкой русских, полных неясных надежд, унося их к рубежу их родины. От времени до времени бесконечный горизонт заполняется березовой рощей или сосновым лесочком с болотцем. Чувствуется приближение к русской земле, но на станциях слышна польская речь. С каждым поворотом колеса мы все ближе и ближе к чертополоху, отгородившему нас от истины. По ту сторону много загадочного, нового и непонятного. У всех одна мысль – где же граница? Наконец, мы подъезжаем к маленькой станции, ничем не отличающейся от предыдущих. У поезда давка, и бабы продают яблоки. Рубеж. Преграда снята, и мы вступаем на землю наших предков. Больше мы не эмигранты. Все взволнованы и опьянены происходящим. Все счастливы, хотя и сознают, что впереди будет много горя, много тяжелых минут. Но... что вообще может чувствовать человек, мечтавший двадцать лет исполнения его желаний? В поезде маленькое торжество. Разливается заранее приготовленная наливка, и все друг друга поздравляют, как на Пасху, с новым для нас воскресением Родины. “За светлое будущее! За новую жизнь! За новую национальную Россию!”» (приводится с сокращениями).

Позднее Шмитов писал, в какие ужасные условия попа-

ли эмигранты. Сам он заболел туберкулезом и уехал в Вену лечиться. Там поступил на архитектурный факультет, специализируясь в средневековом искусстве под руководством проф. Голей.

В биографическом очерке о своей матери Зинаиде Михайловне Полуян (1902–1952) Шмитов писал в разведческом журнале «Опыт» (1972. № 59, июнь):

«Узнав о решении своего мужа и сына ехать в оккупированную часть России, она энергично добивается полулегального разрешения сопроводить их. Польско-русскую границу она переезжает, переодевшись в мужскую одежду. Контроль на границе не замечает и пропускает ее вместе с другими. Жизнь в голодной, оккупированной немцами России представляла собой мучение и физическое, и моральное. Разбитый авиацией и артиллерией и заброшенный колхоз «Глубокая долина» явился первым пристанищем полуголодных и для лютной зимы 1941–1942 гг. полураздетых пришельцев. В конюшни этого колхоза немцы согнали измученных голодом “презренных унтерменшей” – военнопленных, взятых в Киевском окружении. Каждый второй из них умирал, остальные находились между жизнью и смертью от голода и истощения и косивших болезней: тифа, дизентерии, цинги. Немцы боялись входить в эти рассадники эпидемий и, не имея сил, не желая заниматься пленными, оставляли их без всякой медицинской помощи умирать на соломе в полуизоляторах, полулазаретах, среди вшей. <...> Зинаиде Михайловне при-

шлость потратить много усилий, чтобы добиться разрешения организовать санитарные пункты и лазареты в лагерях военнопленных. Но немцы отказались дать какой-либо санитарный материал или медицинский персонал, даже из местных. На шесть основанных Зинаидой Михайловной лазаретов только в одном оказался военный врач, а в другом фельдшер. <...> Кроме отсутствия медицинского персонала, сказывалось полное отсутствие продуктов. По воскресеньям запрягались сани, и в сопровождении сына или мужа Зинаида Михайловна отправлялась в села, где она на сельских сходках или у церкви обращалась к крестьянам, прося пожертвовать продукты своим пленным. Нередко с полными санями возвращалась она назад».

Зинаида Михайловна тоже заболела туберкулезом, но не желала покинуть родину и русских людей, только после истечения контракта она с мужем в конце 1943 г. уехала к сыну в Вену.

Осенью 1941 г. та же фирма набирала переводчиков и чертежников в Белграде. И там тоже записались почти только члены НТС. Пока шел набор, пока транспорт прибыл в Берлин, там, в Берлине, стало известно о скандале с русскими из Хорватии, и немцы решили отказаться от услуг русских эмигрантов. Всем было выплачено трехмесячное жалование за расторжение договора и предложено через биржу труда найти себе работу в Германии.

Приняв на себя должность начальника ИЧ, Мартино не

сразу смог приступить к исполнению взятых на себя обязанностей. Если почта внутри Хорватии работала нормально, то из «независимой» Хорватии за границу, кроме как в Германию, никуда нельзя было писать. Да и если можно бы было, то нельзя было забывать, что все письма за границу проверялись военной цензурой. Только 1 ноября 1941 г. Мартино обратился с письмом «Всем руководителям», которое потом считалось приказом № 1 по ИЧ. В этом письме было сказано:

«1. Скм. (скаутмастер) М. В. Агапов стечением обстоятельств принужден отойти на время от работы и передал должность нач-ка Инструкторской части и нач-ка отдела мне.

2. Согласно новому положению, Югославский отдел расформировываю.

3. Ввиду того, что всякая связь с Америкой прервана, а о деятельности заместителя Ст. рус. скаута В. Н. Колюбакина на Европу ничего не известно, по слухам же он не в состоянии таковую вести, присваиваю себе до момента восстановления связи со Ст. рус. скаутом обязанность его заместителя на Европу, сочетая ее с должностью нач-ка Инструкторской части.

4. Назначаю ски. (скаутинструктора) Олега Полякова и.д. (исполняющим должность) нач-ка Сербского отдела, пскм. (помощника скаутмастера) Ростислава Полчанинова начком Хорватского отдела, Бориса Кирюшина – представителем НОРС-Р на Черногорию <...>.

11. Требую от всех совершенной осторожности, бдительности и неутомимости. НОРС-Р официально нет, но она живет в наших сердцах и доживет до победы на Родине.

Будь готов! За Россию! Скм. Б. Мартино».

С этим приказом я поехал в Загреб держать экзамен в университете, а на обратном пути посетил отряд в Баня-Луке, основанный незадолго до того Юрой (Георгием Львовичем) Лукиным.

Мне удалось в декабре, в связи с необходимостью выпиться из Белградского университета, еще раз посетить одинок в Хорватии. На этот раз в Славонском Броде, Осеке и Земуне. В Белграде у меня была встреча с новым начальником Сербского отдела Всеволодом Владимировичем Селивановским (1925–1988), которому я передал письмо «Всем руководителям» и узнал о том, что назначенный начальником Сербского отдела Олег Сергеевич Поляков (1922–1989) отбыл в Германию, передав свою должность Селивановскому, ставшему в свои 16 лет самым молодым в истории разведчества начальником отдела. Селивановский мне подробно описал положение русских в Сербии и как там идет разведческая работа.

Улучшение отношения к православным русским в усташко-католической Хорватии после 22 июня имело и свою отрицательную сторону. Если православных сербов не брали в хорватскую армию, то нас, русских, могли бы взять. Мартино был офицером запаса, и его могли призвать в любой момент.

Ко мне Бог был милостив, меня на экзамене в университете провалили, и у меня сохранилась законная отсрочка, но надолго ли?

За меня и за других русских, потерявших работу, хлопотал новый председатель Русской колонии капитан царской армии Владимир Иванович Огнев. В фирме «Хорватские рудники и литейные заводы» кроме меня было еще двое русских, которых уволили вместе с сербами только за то, что мы православные. В нас, как старых служащих, знавших работу, фирма, конечно, нуждалась, и со временем я оказался на старом месте, за своим столом с кучей рапортов, которые надо было внести в картотеку склада гвоздей и проволоки, которой я заведовал. За месяц моего отсутствия накопилось столько бумаг, что я пришел в ужас.

– Неужели, если бы я не вернулся, то никто бы картотеки не вел? – сказал я моему соседу, который вел картотеку профильного железа.

– Так мы не сомневались, что вы вернетесь.

– Да, но как я теперь с этим справлюсь?

– А зачем вам стараться для немцев? И кому теперь нужны наши картотеки? Немцы ничего у нас не спрашивают, а просто идут на склад и забирают все, что там найдут. Если рабочие крадут гвозди и проволоку, то не у нас и не у фирмы, а у немцев.

– Чем больше у нас будет беспорядка в картотеках, тем будет лучше для всех нас. Я, во всяком случае, стараюсь по-

больше запутать все наши дела так, чтобы не только немцы, но и сам черт не разобрался. Берите с меня пример.

В новых условиях нам надо было вести торговлю по-новому. Когда приходили немцы, то разговор был коротким. Я им говорил, что из-за военного положения я не отвечаю за точность данных моей картотеки, и советовал ехать на склад и там оформлять заказ. Мы оформляли только счета, по которым немцы платили, не торгуясь.

С местными торговцами дела делались иначе. Помню, как к нам приехал агент от фабрики мыла за гвоздями и железными лентами для упаковки ящиков с мылом. Разговор был такой: привезите нам мыло для стирки, а мы вам дадим гвозди и железо. Конечно, не даром, но зато по твердым ценам.

Я привык к желтому твердому мылу, а это было недостаточно просушенным, белым и мягким. Я не скрыл своего удивления. «Младичу (молодой человек), – сказали мне, – привыкайте к войне».

Я начал привыкать и чуть не каждый день носил домой то мыло, то постное масло, то мясо, то муку или крупу. Получал я это не даром, но зато платил по твердым ценам. В магазинах по карточкам давали тоже по твердым ценам, но в зависимости от того, что было на складах. Никто не мог сказать, чего нам и сколько полагается. На карточках были одни буквы, и надо было следить по объявлениям, что и когда по ним будут давать.

Фабрика железа оказалась в военное время делом хлеб-

НЫМ.

В конце 1941 г. немцы начали набор в Германию рабочих из Хорватии и для этого открыли свою биржу труда, но почему-то только в Загребе. На работу в Германию могли ехать только невоеннообязанные (по возрасту) и бесподданные. Хотя все мы были подданными, но получить удостоверение от Русского комитета, что мы русские бесподданные, не представляло труда. Мартино и я так и сделали. Мы предложили это же сделать и Игорю Москаленко и Клавдию Цыганову, которым вскоре должно было бы исполниться 20–21 год и которых тоже могли вскоре призвать в хорватскую армию. Оба решили ехать с нами вместе в Загреб и дальше в Германию, а там, если Бог поможет, то и в Россию. В Загребе к нам примкнул Жорж Богатырев, а Мулич решил поступить в университет.

Покидая Хорватию в январе 1942 г., Мартино обратился снова с полным чувств письмом к руководителям. Вот отрывок из этого письма:

«Да, была вера в правду и будущее. Но вера еще не действие. Любовью. Да, безграничной любовью вот уже десятилетиями собираются дети в лагерях, у елок, воспитываются для России, часто при равнодушии – и даже противлении недостойных русского имени родителей. Но любовью одной не могли бы мы бороться в подполье и в сетях интриганов. И дело молодых, девиз “За Россию!”, новое слово руководителей победило лишь тогда, когда они твердо решили

ни в коем случае не уходить, не бросать дела».

До войны в Сараеве была дружина скаутов-разведчиков, но начальник стаи волчат куда-то уехал, и пришлось прекратить работу с малышами. Работу с остальными я, уезжая в Германию, поручил местному мусульманину Эшрефу Смайовичу, который еще до войны стал русским разведчиком. Он ее оформил как работу с детьми при русской колонии. Так же поступить я посоветовал и Вове Зараховичу, которого я назначил начальником Хорватского отдела, а его сестру Надю – секретарем отдела. Надо было скрывать не саму работу с детьми, а ее разведческое содержание, скрывать, что организация продолжает существовать и что мы сохраняем прежние связи. Для посторонних все должно было выглядеть невинно, «на лужайке детский крик» и не более.

Целью всей подпольной разведческой работы было, с одной стороны, сохранение руководительских кадров, а с другой стороны, подготовка новых руководителей. Работа с детьми была нужна сама по себе, и это признавали все, включая и хорватских пронацистских усташей. Но работа с детьми нужна была и для сохранения организации как таковой, чтобы руководители оставались в организации и не искали себе иного применения сил. В общерусском зарубежном плане тоже нужна была хоть какая-то организация молодежи, чтобы в случае надобности иметь готовые и проверенные кадры.

6. В Баня-Луке 1941–1945 гг

В январе 1940 г. я посетил Баня-Луку, основал там звено разведчиц «Василек» и назначил вожаком Таню Балабанову. Звено работало до отъезда Тани к родителям в Мрко-нич-Град на летние каникулы. С осени 1940 г. сборы возобновились, но прервались в апреле 1941 из-за начала войны. Таня снова уехала в Мрко-нич-Град.

В августе 1941 г. в Баня-Луку приехал Юра Лукин, который до этого был вожаком звена в Мостаре. Он договорился с председателем Русской колонии Евгением Владимировичем Антоневи-чем о работе с молодежью. Согласно моей инструкции, работа должна была вестись под названием «Русская национальная молодежь при Русской колонии», но Юра Лукин предпочел название НОРМ – Национальная Организация Русской Молодежи, под которым уже велась работа в Германии.

Профашистская хорватская партия усташей, придя к власти, создала обязательную организацию – Усташка младеж. С ней правление Русской колонии договорилось, что русские не должны быть членами Усташкой младежи, но должны будут состоять в НОРМ и участвовать в хорватской «радной службе» (службе труда). Была также достигнута договорен-

ность, что мальчики будут работать у русского предпринимателя, а девочки – в библиотеке русской колонии и убирать два раза в неделю помещение. Помещением была одноэтажная пристройка – большая комната и две небольших. Находилось оно в центре города, недалеко от железнодорожной станции. Кроме Русской колонии, до войны там помещались общества «Русская матица» и «Русский Сокол», основанное, кажется, в 1936 г. и запрещенное усташами в апреле 1941 г. С августа 1941 г. там велась работа НОРМ, единственной русской организации, разрешенной усташами, не считая Русской колонии, которая была и общественной организацией и в то же время правительственным учреждением по русским делам.

В НОРМ была строгая дисциплина. Родителям тех, кто пропускал сборы, посылали повестки с напоминанием, что «Ввиду того, что Ваш ... обязан состоять в НОРМ, то, следовательно, должен принимать участие в жизни и работе этой организации. <...> НОРМ должна оповещать штаб «Усташской молодежи» о тех, кто не принимает участия в работе, и исключать таких членов из своих рядов. Во избежание этого нежелательного явления просим Вас принять меры...». Русской молодежи приходилось принимать участие в парадах 10 апреля по случаю провозглашения Независимой Державы Хорватии, но этим, кажется, ее обязательства перед властью ограничивались. Власти не очень интересовались, что делают русские, зная, что они антикоммунисты и помогать

партизанам не будут.

Все это было внешней стороной работы. Но была и внутренняя. Подпольный отряд имени св. Владимира был разделен на звенья разведчиц – «Василек» и разведчиков «Иван Сусанин» (старшие) и «Рысь» (младшие), вожаком последнего был Саша Александрович. Проходились разряды, в 1942 г. с 5 по 13 августа был даже устроен лагерь в Гайгеровом Гаю («гай» по-русски – роща), в 3–4 км на северо-запад от Баня-Луки.

В лагере были палатки, в которых спали разведчики. Разведчицы ночевали дома, но весь день проводили в лагере. На них была кухня. Печь была примитивной. Был прорыт небольшой ров, на который была положена железная решетка. На нее ставился небольшой котел для варки густого супа, который был и первым, и вторым блюдом. На последнем костре всем лагерникам прожигалась на галстуках дырочка веткой от костра.

В ноябре 1941 г. мне удалось посетить Баня-Луку. Юра Лукин устроил сбор отряда. К сожалению, я не смог тогда встретиться с Сергеем Антоновым, моим бывшим одиночкой из Куманова, который был там начальником или одним из главных руководителей местной скаутской дружины. Осенью 1938 г. он переехал в Белград учиться в университете, где тоже показал себя хорошим руководителем. Оказавшись в 1941 г. в Баня-Луке и будучи призванным в хорватскую армию, он находил время принимать участие в работе отряда

и вместе со своим младшим братом Бобом быть душой всей разведческой работы.

Звено «Василек» выпустило в 1942 г. первый, и, увы, единственный номер журнала «Василек», отпечатанный на шапирографе в 9 экземплярах с красивой, сделанной от руки обложкой. Были и другие звеновые журналы, которые тоже печатались на шапирографе: «Иван Сусанин», который выходил с 1941 г., и «Рысь».

С. С. Антоновым разведческая работа продолжалась и после отъезда Ю. Лукина в сентябре 1942 г. в Германию. Продолжали выходить звеновые журналы «Иван Сусанин» (сохранился № 5 (17) за март 1943 г.) и «Рысь» (сохранились № 3 и 4 за февраль 1943 г.). Председатель колонии поручил руководить молодежью Виталию Макаровичу Рыбкину (1897–1973), который разведческую работу не запрещал, но и не поощрял.

Работа продолжалась до прихода в город красных партизан в ночь с 22 на 23 апреля 1945 г. После прихода коммунистов к власти начались аресты русских. Е. В. Антоневиц и В. М. Рыбкин были арестованы и приговорены к двум годам тюремного заключения. О русской общественной работе при коммунистах не могло быть и речи.

Благодарю за помощь в работе над этой статьей Александра Александровича и Татьяну Рыбкину (в замужестве Пушкадия).

7. Русский православный приход в Сараеве

До 5 сентября 1929 г., пока в Сараеве находился Первый русский великого князя Константина Константиновича кадетский корпус, русские сараевцы могли посещать корпусную домовую церковь, но после отъезда корпуса в Белую Церковь перед ними встал вопрос создания собственного прихода.

Русский церковный быт отличался от сербского. Мы, русские, например, после всенощной в Великий четверг шли домой с горящими свечами, вызывая недоумение у жителей города любого вероисповедания; Светлую Заутреню служили не утром, как было принято у сербов, а в полночь, и русские песнопения отличались от сербских. Рождественские и некоторые другие обычаи тоже отличались от сербских.

К нашей великой радости, в Сараево в городскую больницу был назначен протоиерей Алексей Крыжко (1885–1976), о чем вскоре стало известно русским сараевцам. Как мне помнится, уже в 1932 г. был создан русский приход, который для богослужений снял помещение бывшей мастерской на улице Деспича, 6. По данным переписи 1931 г. в Сараеве проживало 616 русских, но в приход записалось не более ста семей, а на богослужениях обычно присутствовало 60–

70 человек.

Про русских можно было сказать, что они были не только лояльны, но и искренно преданы Югославии, особенно королю Александру. После его трагической гибели в церкви на пожертвования был установлен большой киот до самого потолка с двумя иконами – св. Александру Невскому, в честь которого был назван король Александр, и св. Николаю, в честь которого был назван русский царь-мученик Николай II. Киот был с двумя резными дубовыми колоннами, увенчанными двуглавыми орлами России и Югославии, и вензелями. В 1941 г., когда Босния и Герцеговина были присоединены к Независимой Державе Хорватии, югославянский герб и вензель короля Александра были скрыты за широкой траурной черной тесьмой.

Усташи закрыли все православные храмы Сараева, убили почти всех священников, включая и престарелого Петра – митрополита Дабро-Босанского, а сараевский православный собор передали специально для этого приехавшему униатскому священнику. В Сараеве до войны было 15–20 семей украинцев-галичан, и к ним раз в месяц приезжал униатский священник – отец Биляк. Так как униатское богослужение мало чем отличалось от православного, то многие сербы не считали за грех ходить на богослужение к «ушашскому попу». Большинство сербов и не знало, что «ушашский поп», как они его называли, не православный, а униат.

Ни русской церкви, ни русского священника усташи не

тронули, так как было соответствующее распоряжение. Слышал, что о. Алексей ходил в лес к четникам совершать богослужения, исповедовать и причащать борцов против нацистов и усташей. Четники были в основном сербы-монархисты, хотя в их четах можно было встретить и мусульман, и даже хорватов-католиков.

Протоиерей Алексей как до войны, так и во время войны молился о «христолюбивом воинстве нашем», и ни Гитлера, ни главу усташей Павелича не поминал, да и подобных молитв не было. Никто из власть имущих за это к о. Алексею не придирался. Положение изменилось после того, как 3 апреля 1942 г. указом «поглавника» Анте Павелича была разрешена Хорватская автокефальная православная церковь. По требованию властей в православных церквях, во время великого входа, стали читать следующую молитву: «О пресветлог Великоименитог Државног Поглавника Нашега Господина Анту сое всею палатую его да поменит Господ Бог во Царствии Своем...» Настоятель русской церкви не входил в состав Хорватской автокефальной церкви и не считал себя обязанным возносить подобную молитву.

У о. Алексея Крыжко были какие-то личные трения с настоятелем православного хорватского прихода в Сараеве о. Б. Поповичем, который 3 июля 1943 г. обратился к коменданту города с жалобой на о. Алексея:

«Этот приход имеет сведения о том, что в русской православной домово́й церкви в Сараеве во время богослужения

не оказывается почет молитвой главе государства и митрополиту Хорватской православной церкви, как это предвидено циркуляром Хорватской православной митрополии № 55/43, которая полностью относится на русскую домовую церковь в Сараеве, по той причине, что она на территории НДХ и не имеет экстерриториального права, потому что не относится к категории дипломатических домовых церквей при посольстве. Кроме того, упомянутая домовая церковь не совершает богослужений на государственные праздники, тогда как во время б. Югославии отдавала почести молитвами и королю, и Патриарху сербскому, а после создания НДХ и до сегодняшнего дня не сняла государственный герб, который находился под черной повязкой на иконе в честь короля Александра I Карагеоргиевича. На основании вышесказанного этот приход просит запретить всем военнослужащим в Сараеве вход в русскую домовую церковь как церковь, которая не соблюдает законов НДХ, и о вышесказанном прошу уведомить приход» (перевод с хорв. на ш. – Р. П.).

19 июля 1943 г. герб Югославии был удален из русской домовой церкви, но это не остановило Владимира Нащекина снова обратиться с жалобой к хорватским властям на о. Алексея Крыжко. В. Нащекин был одним из тех редких русских, кто вступил в организацию усташей и сделал там карьеру.

В начале октября 1943 г. о. Алексею Крыжко было со-

общено, что он должен во время богослужений поминать и поглавника, и хорватского митрополита. Неизвестно, подчинился ли он этому требованию или нет, но известно, что совершал и дальше богослужения³⁹.

Из русских сараевцев в Германию уехали считанные единицы. Большинство было уверено, что после высадки союзнических сил в Италии на очереди будет Югославия. Там было все готово: и вооруженная поддержка населения, и аэродромы, и пилоты, знакомые с местностью, не раз летавшие вывозить раненых и снабжать оружием партизан. Никто не думал, что Рузвельт вместо легко осуществимого десанта в Югославию пошлет на верную смерть тысячи своих солдат штурмовать неприступный Атлантический вал.

Кроме того, многие боялись ехать в Германию из-за бомбардировок союзниками поездов и железнодорожных станций. К тому же немцы в августе 1944 г. разрешили уезжавшим брать с собой только ручной багаж. Моя мать, покинувшая Сараево в это время, написала мне: «Почти все знакомые против моей поездки и говорят, что это безумие». В том же письме она писала, как русский летчик, служивший в хорватской авиации, поехал за женой и сыном в Сараево, как его поезд налетел на мину, как все его вещи пропали, а он, получив ранения, был отправлен в госпиталь. Кроме того, покинуть Сараево было не так просто. Моя мать должна

---

³⁹ *Рыбкина-Пушкадия Т.* Русско-православные церкви в Земуне и Сараеве. Рукопись (по-хорватски).

была получить сперва разрешение из Берлина, а затем хорватский паспорт с немецкой визой из Загреба.

По свидетельству Эшрефа Смайовича, местного мусульманина, члена Сараевской дружины русских скаутов-разведчиков, в начале 1946 (или 1947) г. группа русских эмигрантов была арестована по требованию СССР и передана в Белграде представителям советской власти. Все арестованные были отправлены в СССР. По моим сведениям, в эту группу входили только члены НТС и старшие офицерские чины белой армии, в том числе председатель отделения НТС в Сараеве Доне (кажется, Александр), скончавшийся после отбытия срока в пересыльном лагере Потьма; член НТС Борис Иванович Мартино (скончавшийся в пути), бывший в 1930-х годах председателем Русской колонии и отделения РОВС генерал Запольский, военный юрист, правовед Николай Иванович Чарторыжский; председатель отделения Союза военных инвалидов Буяченко; специалист по борьбе с комарами Скворцов, арестованный как нужный специалист и работавший по специальности, будучи заключенным, в Средней Азии; полковник Александр Красильников, служивший, как мне говорили, в царское время в тайной полиции; директор британского рудника пирита и серебра Сергей Арефьев и другие.

Богослужения в русской церкви в Сараеве продолжались и после прихода коммунистов, но уже при меньшем количестве молящихся. В алтаре прислуживали братья Невструевы

– Володя (р. 1931) и Жорж (р. 1933), а также Миша Жуков, а у свечного ящика стояла Оля Огнева.

Русская церковь была закрыта только после ареста настоятеля о. Алексея, вскоре после конфликта между Тито и Сталиным, а ее имущество было передано сербским церковным властям. Киот с иконами св. кн. Александра Невского и св. Николая был передан русской церкви в Белграде, где и находится поныне.

Был уничтожен и русский участок на военном кладбище. По одним сведениям, коммунисты решили расширить городскую больницу за счет военного кладбища, но В. С. Невструев писал в письме от 30 октября 2001 г., что на месте военного кладбища было построено два здания, в одном из которых разместился строительно-архитектурный факультет. Так или иначе, но русским было предложено перенести останки родных и знакомых далеко за черту города. Слышал, что там, в отдельной могиле, был похоронен директор кадетского корпуса генерал-лейтенант Б. В. Адамович, в другой, братской, могиле – кадеты, и в третьей, тоже братской, все прочие русские. Скромный памятник на далекой загородной поляне указывал на место погребения «русской семьи». После этого русских стали хоронить на новом кладбище «Баре», где хоронили всех сараевцев, невзирая на национальную или религиозную принадлежность.

Сперва на русских в Югославии, в том числе и на о. Алексея Крыжко, оказывался нажим, чтобы они принимали со-

ветское подданство, а затем, после исключения Югославии в 1948 г. из Коминформа, его, регентшу К. П. Комад, прислужника Петра Соколова, Владимира Огнева, отца Оли, стоявшей в церкви у свечного ящика, и еще ряд других арестовали, обвинили в шпионаже в пользу СССР и устроили в ноябре–декабре 1949 г. громкий показательный Сараевский процесс. Протоиерей Алексей Крыжко получил 11 с половиной лет принудительного труда, К. П. Комад – 3 года, П. Соколов – 4 года, бывший капитан царской армии и председатель Русской колонии в годы войны В. Огнев – 6 лет, инженер Анатолий Поляков – 10 лет, медик Василий Кострюков – 5 лет, служащий Советского информбюро Илия Жеребков – 6 лет, студент-юрист Вадим Геслер – 5 лет и студент-юрист Георгий Ольшевский – 4 года. С группой русских судили и местного жителя Арсения Боремовича. Он был осужден на 20 лет. Судебное дело против белградского настоятеля о. Владислава Неклюдова было прекращено, так как несчастный якобы повесился в камере в ночь с 29 на 30 ноября. Что о. Владислав был священником, в газетах не было сказано, а о. Алексей был назван «*бывшим священником в штабе царской и Деникинской белой армии*»⁴⁰.

В «Новом русском слове» от 3 февраля 1956 г. говорилось: «*Прошлой осенью в Югославию приехала первая партия советских туристов. Среди других был в этой группе и*

---

⁴⁰ Политика. Белград. 2 и 10 декабря 1949 г. (а также 18, 14, 16 ноября, 3, 4 и 5 декабря 1949 г.)

молодой инженер-химик из Ленинграда. Узнав, что его отец, протоиерей Алексей Крышко (надо Крыжко. – Р. П.), осужден на Сараевском процессе на 12 лет, и не имея возможности повидаться с ним, Крышко обратился к советскому посольству в Белграде с просьбой предпринять соответствующие шаги и убедить югославские власти вернуть ему отца, которого он хочет взять с собой в Ленинград. Вмешательство его не осталось без последствий. По указаниям из Москвы советское посольство обратилось к Югославии с просьбой передать советскому правительству всех советских граждан, находящихся в югославянских тюрьмах и лагерях. Посольство полагало, что советские граждане, о которых оно просило, будут амнистированы и выпущены на свободу, т. е. что их коснется та большая политическая амнистия, которая была дана 29 ноября 1955 г. в связи с десятилетием Югославянской Республики. Но никто выпущен не был. И только 12 января группа эта была выслана в Советский Союз»⁴¹. С этой группой в СССР уехал и о. Алексей Крышко, который получил небольшой приход под Ленинградом. Он переписывался со своими бывшими прихожанами, и в 1976 г. от него были получены последние письма.

Вопрос об отношении Югославии к русским эмигрантам обсуждался на четвертой сессии Генеральной Ассамблеи ООН в ноябре 1949 г. Советский министр иностранных дел

---

⁴¹ Новое русское слово // Спектатор: Новая высылка русских эмигрантов из Югославии. Нью-Йорк. 3 февраля 1956 г.

А. Я. Вышинский обвинил Югославию в том, что она относится к местным русским плохо не из-за того, что они «бе-лоэмигранты», а из-за того, что ныне они искренние приверженцы дружбы с СССР. Однако советский дипломат не смог ответить на реплику: почему в таком случае его правительство не желает этих граждан репатриировать из Югославии⁴².

Считаю своим долгом поблагодарить Алексея Борисовича Арсеньева, Георгия Алексеевича Богатырева, Анну Николаевну Григорьеву (ур. Вдовкину), ее супруга Юрия Григорьева, Владимира Сергеевича Невструева и Татьяну Витальевну Рыбкину-Пушкадия за помощь в работе над этой статьей.

---

⁴² Политика. Белград. 7 декабря 1949 г.

8. Подпольный журнал «Ярославна»

Сотрудничая с Михаилом Васильевичем Шатовым (наст. Петром Васильевичем Каштановым, 1920–1980) в составлении его библиографии *Half a Century of Russian Serials 1917–1968* (Полвека российской периодики), я сообщил ему и о журнале «Ярославна». Он поместил ссылку на него в том III – в отдел Дополнений⁴³. Эта информация стала известна Иоанну Николаевичу Качаки (р. 1939), составителю «Библиографии русских беженцев в королевстве С.Х.С. (Югославии) 1920–1945 гг.», а от него проф. Загребского университета И. Лукшич, которая включила это название в свою статью о русской эмигрантской периодике.

В это время скаутмастер Александр Карлович Таурке (р. 1934), разбирая архив покойного Б. Мартино, нашел № 4–5 от 1 августа 1942 г. и № 6 без указания даты и прислал мне ксерокопии этих единственных сохранившихся экземпляров. Я послал их проф. И. Лукшич и постараюсь ответить на ее вопросы относительно этого журнала.

Покидая Хорватию, я договорился с Надей Зарахович,

---

⁴³ «Supplement of Additional Entries»: S-3096 *laroslavna; zhurnal razvedchits / Underground publication of NORS / Published by the Molodezh' russkoi kolonii Zagreb. Ed / N.Zarakhovich, Zagreb (Croatia) / German-occupied territory of Yugoslavia / /1942/ 1942–3; no. 1–8.*

что она будет издавать для Хорватии орган связи подпольной организации разведчиков под названием «Ярославна. Mjesecnik za rusku zensku mladez Izdanje nacionalne mladezi ruske kolonije». Я ей сказал, что все должно выглядеть невинно, как литературные упражнения девочек, хроника их жизни и сообщения с мест под видом «писем в редакцию». Распространять журнал следовало среди существующих отрядов в Сараеве и Баня-Луке и одиночек в Осеке, Суне, Карловце, Сплите, Славонском Броде, Варцар-Вакуфе (ныне Мрконицград), Яйце, Турбе и Земуне и в чужие руки не давать.

Уезжая в Германию, я передал должность начальника Хорватского отдела Володе Зараховичу, но, зная, что он не очень любит писать письма, секретарем отдела назначил его сестру Надю. Оба эти назначения я не смог тогда провести через приказ, как это делалось до войны, но, приехав в Берлин, я объявил об этом в приказе № 4 по ИЧ от 11 февраля 1942 г.

Во главе подпольной организации стоял скм. Борис Борисович Мартино, которому должность начальника ИЧ, соответствовавшую должности начальника Главной квартиры организации, передал скм. Максим Владимирович Агапов-Таганский (1890–1973). С Мартино мы вместе покинули Хорватию 26 января 1942 г., но он, приехав в Берлин, через несколько дней передал эту должность мне, двинувшись дальше в Россию, для чего ему пришлось нелегально перейти

ти польскую границу около Ченстоховы.

Надо полагать, что первый номер «Ярославны» вышел в апреле 1942 г., так как в подзаголовке было ясно сказано, что журнал – ежемесячный. В № 4–5 в материале «От редакции» Надя Зарахович сообщила, что благодаря другу разведчиков Александру Леонидовичу Дирину журнал стал печататься литографским способом и что тираж журнала «повысился пока на 50 экземпляров, следующий номер – на 100». Мне известно, что первые номера печатались на шапирографе лиловым цветом в количестве около 30 экземпляров.

Журнал писался от руки специальными химическими чернилами. В том, что проф. И. Лукшич не нашла его ни в одной библиотеке послевоенной Югославии, нет ничего удивительного. Несмотря на невинный подзаголовок, он был не столько ежемесячником молодежи Русской колонии, сколько органом связи подпольных разведчиков.

В статье «От редакции» упомянутого № 4–5 на первой же странице так прямо и сказано: «друг разведчиков». Попадись номер в руки усташей или гестапо, у Владимира Зараховича бы сразу спросили, о каких «разведчиках» речь? Впрочем, ответ бы нашли на следующей странице приказа № 8, в котором он как начальник Хорватского отдела НОРР (Пантюхова) в параграфе 3 сообщает «о перемене названий чинов»: «помощник скаутмастера – руководитель» и «скаутмастер – старший руководитель».

Подробности же о деятельности НОРР даны на последней

странице в отделе «Вести». *«В Варшаве успешно работают старшие руководители Борис Мартино и Слава Полчанинов. Готовятся к летнему лагерю». «В Берлине работает Олег Поляков».*

«Словакия. Развивается работа разведчиц, которых до этого года почти не было».

«Россия <...> Игорь прислал доклад, который поместим в “Ярославне”».

«Баня-Лука. Разведчики устроились вместо хорватской «Radni Službi» на работу к русскому инженеру».

«Земун. Образована группа разведчиков и разведчиц; во-жак Юрий Моисеев» и, чтобы не затруднять его поисков, дан его адрес.

Одним словом, Бог хранил наших горе-конspirаторов, никто не донес, и журнал продолжал выходить.

Сохранился и № 6, в котором на первой странице из приказа № 9 по Хорватскому отделу НОРР можно было узнать, что отряд св. Владимира в Баня-Луке временно «распускается», а на последней странице в отделе «Вести» сказано и о причине – отъезде в Берлин «быв. начальника Банялуцкого отряда младшего руководителя Георгия Лукина». Далее в приказе говорится, что «старший руководитель Малик Мулич назначается по собственному желанию руководителем при отряде разведчиков имени Петра Великого». Что это за грёбский отряд, в приказе не сказано, но это было всем известно.

В отделе «Вести» сказано также, что *«загребские разведчики легализировались под именем “Национальная молодежь русской колонии”»* и что в Сараеве *«возжак Эшреф Смаевич устраивает легализацию сараевцев и начинает работу с разведчиками»*. Интересно отметить, что в то время как до войны в работе с югославянскими скаутами принимали участие два русских руководителя – Агапов и Сергей Склевицкий, в годы войны во главе обоих русских разведческих отрядов в Хорватии стояли боснийские мусульмане – Мулич и Смаевич.

В № 6 «Ярославны» был напечатан и репортаж Игоря Шмитова о поездке в оккупированную Россию, о котором шла речь в главе 5.

9. С рабочими в Берлин Февраль 1942 г

На бирже труда в Загребе после поверхностного медицинского осмотра Борис Мартино, Жорж Богатырев, Игорь Москаленко, Клавдий Цыганов и я попали в отдел, где проверялись документы и подписывались контракты. Там, кроме нескольких местных немцев, сидел и один хорват, следивший за тем, чтобы хорватские военнообязанные не уезжали на работы в Германию. Конечно, он сразу обратил внимание на нас и стал внимательно рассматривать наши свеженькие удостоверения, выданные русским комитетом. Из них явствовало, что все мы русские бесподанные. Хорват попросил предъявить еще какие-нибудь доказательства, что мы без подданства, но немец вмешался и велел ему не придирааться. Не обращая внимания на протесты хорвата, он стал спрашивать о нашей профессии. Москаленко показал диплом электрика, полученный в технической школе, и ему предложили на выбор работу в нескольких фирмах в Мюнхене, Лейпциге и других городах, но он сказал, что хочет получить работу в Берлине и только в Берлине. Немец сказал, что в таком случае надо будет подписать контракт с берлинской биржей труда, которая может предложить менее выгодные условия работы. Москаленко ответил, что это неважно, и подписал

контракт с берлинской биржей труда. Его примеру последовали все мы. Нас даже не спросили, кто мы по специальности. Подписав контракты и сдав по две фотографии, мы получили специальные рабочие паспорта и приказ явиться на биржу 26 января утром.

На улице перед биржей труда прохаживались немецкие солдаты и предлагали купить у них немецкие марки. Это было незаконно, но никто не мешал подобному обмену. Все мы, к обоюдному удовольствию, купили какое-то количество марок.

Из Загреба мы выехали в тот же день вечером. После того как Германия присоединила к себе Марибор (по-немецки Marburg) и восточную часть Словении, хорватско-германским пограничным пунктом стал Зидани-Мост (Steinbruck), примерно километрах в 50 к северу от Загреба. У нас, рабочих, едущих в Германию, проверки багажа и документов не было. НТС этим пользовался, и каждому из нас поручили провезти в Германию какое-то количество «Зеленых романов» – пособий по НПП, названных так из-за зеленых обложек.

Когда мы приехали в Марбург, нас выгрузили и отправили ночевать в огромное помещение, служившее раньше складом. Там мы переночевали на нарах, а утром 27 января, после вполне приличного завтрака, весь транспорт повели в барак, где нас заставили раздеться, а одежду сдать в чистку от вшей (Entlausung). Немцы страшно боялись, чтобы при-

езжие не завезли в Германию этих насекомых, но энглаузу-
нгу подвергались только приезжающие с востока. Каждому в
пригоршню налили немного жидкого мыла и отправили под
душ. Помывшись наспех, мы прошли в большую комнату,
где нам пришлось обсыхать (полотенец у нас с собой не бы-
ло) и ждать, пока весь транспорт не пройдет через энглау-
зунг. Скамеек не было, и нам пришлось все время стоять.
Мой костюм, когда я его получил назад, превратился в тряп-
ку. На штанах была дырка от крючка, на который был пове-
шен мой костюм. Гребешок, который я забыл вынуть из кар-
мана и передать вместе с кожаным поясом и другими веща-
ми, превратился в бесформенную массу. Мне было стыдно
смотреть на самого себя, и то, что все прочие мои вещи я
получил в порядке, было мне слабым утешением. Нам поста-
вили на руку печать в знак того, что мы очистились от вшей.

После этого мы выслушали длинные и подробные настав-
ления о том, как мы в Германии должны добросовестно ра-
ботать и не думать о побеге ни сейчас из транспорта, ни по-
том. За побег нам грозили концлагерем и советовали не рис-
ковать. Меня это удивило. Ведь все, ехавшие с нами в Гер-
манию на работу, записывались добровольно. Так зачем же
им было бежать из транспорта? Это было как-то непонятно,
но через несколько дней все стало ясно.

Среди записавшихся на работы в Германию было немало
контрабандистов. Так как осмотра багажа не было, то они
могли провезти в Германию все, что угодно, и без всякой

пошлины. К тому же ехали они бесплатно, да еще их и бесплатно кормили. Не знаю, на каком черном рынке они потом все это продавали и как возвращались с купленными товарами обратно в Хорватию, но из их разговоров между собой можно было легко догадаться, что они не в первый раз едут в Германию якобы как рабочие.

Ехали мы в пассажирских вагонах. У каждого вагона был свой немец, следивший за порядком. Это были пожилые и добродушные люди. Наш немец охотно разговаривал с нами, говорившими по-немецки, а таких среди рабочих было немного.

Ехали мы медленно. Нас все время то отцепляли, то прицепляли к каким-то товарно-пассажирским поездам. Делалось это на каких-то сортировочных станциях. Мы проехали мимо Вены и, вместо того, чтобы ехать прямо через Прагу в Берлин, поехали в объезд Чехии. Немцы думали, что славянам-хорватам в славянской Чехии было бы легче бежать, чем проезжая через чисто немецкие земли, но наши соседи по вагону добродушно посмеивались над немецкой догадливостью, говоря, что им надо в Лейпциг и что Чехия их совсем не интересует. Чем дальше в Германию, тем чаще были случаи побегов. Сопровождавший нас немец сообщал нам о «потерявшихся», наивно сочувствуя этим «бедным» людям, не говорящим по-немецки, без продовольственных карточек и т. д. Он радовался, что в его вагоне все благополучно и все на местах.

Наконец мы прибыли в Лейпциг. Меня поразили размеры и устройство вокзала. По сравнению с Белградом или Загребом он был огромным. Первый раз за всю дорогу мы пообедали не в вагонах, на ходу, а в столовой на станции. Наш транспорт должен был здесь долго стоять. После обеда Мартино и я с разрешения сопровождавшего немца вышли на вокзальную площадь. Тут же была остановка трамвая с надписью «Евреям и полякам запрещено пользоваться трамваем». С этого началось наше знакомство с Германией. Дальше площади мы решили не идти и вскоре вернулись в вагон.

Наш немец встретил нас с очень озабоченным видом. Он нас сразу спросил, не видали ли мы людей из нашего вагона. Оказалось, что человек десять после обеда не вернулось обратно в вагон.

Чтобы утешить немца мы сказали, что не пошли ли они по ошибке за теми, кому следовало оставаться в Лейпциге. «Вы правы, – ответил он, – пойду, позвоню в приемный пункт».

Люди исчезли. Немец помрачнел и стал неразговорчивым.

Так мы 2 февраля, на седьмой день нашего пути, обросшие и усталые, прибыли вечером в Берлин. Всех нас построили по четыре, и мы стали ждать приказа идти дальше. Мимо нас шли люди с багажом из других вагонов нашего поезда. Борис вышел из строя, и, затерявшись в толпе, исчез. Я последовал его примеру. У всех у нас был адрес НОРМ и мы знали, как туда ехать (S-Bahn до Potsdammer Platz, а там пересесть на U-Bahn и ехать до Nollendorf Platz). Но наши

спутники то ли побоялись, то ли не смогли последовать нашему примеру.

НОРМ занимал помещение по Elsshholzstrasse, 3, бывшее раньше магазином. С улицы был вход прямо в большую комнату, за которой находилась вторая поменьше, откуда по коридорчику можно было пройти в маленькое помещение кухни и в канцелярию. Когда я вошел в большую комнату, я увидел здоровенных парней в черных косоворотках с широкими солдатскими погонами на плечах, сидевших вокруг стола. Я спросил, где Олег Поляков, и кто-то его вызвал. Парни не обратили никакого внимания на сцену встречи друзей и не любопытствовали, откуда я приехал. Олег провел меня через вторую комнату, в которой был сбор отряда девочек, в канцелярию. Там уже были Мартино и Ваня (Иван Александрович) Мелких, начальник Берлинского НОРМ. Мелких знал от Полякова о нашем приезде и возлагал большие надежды на нашу помощь в работе с молодежью. Все трое обрадовались моему прибытию, и мы какое-то время ждали, не появится ли еще кто-нибудь. Видя, что никого больше нет, Мелких пошел достать для нас продовольственные карточки. Жить в Германии без карточек было бы немыслимо, а у немцев карточки были под строгим контролем.

Проиграв Первую мировую войну, немцы старательно изучали все бытовые подробности, и в этом отношении были хорошо подготовлены к новой войне. В первый день войны определенные люди вскрыли конверты с инструкциями.

Все магазины были закрыты, и был составлен список товаров, которые уже на следующий день продавались только по карточкам. В первый же день все жители Германии получили временные продовольственные карточки. Все цены были заморожены, и вся жизнь была поставлена под контроль.

В НОРМ уже было несколько квартирантов, и Мелких как хозяин помещения, получавший для всех карточки, без труда получил их для нас как для новоприезжих. Мы должны были только на следующий день отметиться в полиции. Нам надо было заполнить бланк, указать прежний адрес в Сараево и наш новый берлинский адрес. Мы предъявили наши хорватские рабочие паспорта и получили печать, что мы прописаны по Elssholzstrasse, 3.

Мартино обещал дать Мелких свою рукопись «Звенювая система», предложив ее издать для нужд НОРМ, а я предложил заняться с одиночками. И к одному и к другому предложению Мелких проявил большой интерес. Он как раз недавно получил письмо от Жени Праутина из присоединенного к Германии Эльзаса, на которое еще не успел ответить, и рад был поручить переписку с Праутиным мне. Женя стал потом моим первым одиночкой в Германии.

Как только Мелких и прочие НОРМовцы разошлись, оставшиеся стали устраиваться на ночлег. Из подвала вытащили матрасы, заложили в печь брикеты угля (в Югославии таких я не видал), и вскоре все погрузились в сон. Постоянным жителям надо было вставать пораньше и ехать на рабо-

ту.

На следующий день Борис и я, отметившись в полиции, поехали к Байдалакову поговорить о возможностях продвижения в Россию. Байдалаков сказал, что уже идет подготовка нелегальной отправки Бориса в Варшаву и что он через неделю сможет двинуться дальше, а мне посоветовал найти себе работу и ждать очереди.

Богатырев, Москаленко и Цыганов, как только устроились с работой и местом жительства, прибыли в НОРМ узнать о нас. Борису не надо было устраиваться на работу, так как до отправки дальше оставались считанные дни, а денег на питание и транспорт у него было достаточно. Он предложил мне, прежде чем наниматься на работу, погулять немного с ним и посмотреть Берлин. Я согласился, и мы, как знатные туристы, ходили по музеям и осматривали достопримечательности города. Мы также написали письма нашим мамам и пошли на почту. Олег Поляков объяснил, как это делается. Надо было нести на почту письмо в незаклеенном виде и предъявить удостоверение личности. Служащий сверял имя отправителя с паспортом и проверял содержимое.

Так, например, было запрещено посылать в письмах почтовые марки. В Первую мировую войну шпионы широко пользовались марками как кодом. Нельзя было и самому клеить марки на конверт, так как под марками можно было написать секретное сообщение. Против симпатических, то есть невидимых, чернил немцы придумали такой хими-

ческий состав, который их сразу обнаруживал. Цензоры по каждому письму проводили кисточкой диагональные полосы, от которых ни одну тайнопись нельзя было скрыть. Каждое письмо проверялось двумя, а то и более цензорами, и каждый ставил на письмо свой номер. Говорят, что получателей подозрительных писем вызывали в гестапо, где их подробно расспрашивали о содержании письма. Для того чтобы письма легче проходили цензуру, мы в начале письма всегда писали несколько комплиментов в адрес немцев, запрещенную литературу, будь то НТСовскую или разведческую, мы называли семенами или семечками, и еще было одно общее правило: верить только тому, что написано ниже даты. Например, после чего-то, написанного специально, чтобы цензуру навести на ложный след, ставилось число и фраза: «продолжаю письмо, начатое вчера...».

Также, по совету Олега, я пошел 10 февраля к Доверенному по русским делам (Russische Vertrauensstelle) для получения соответствующего удостоверения. Девушка, выписывавшая мне удостоверение, увидев, где я живу, спросила, не остановился ли я в НОРМ. Я подтвердил, и она меня похвалила. Оказывается, что в Ферттрауэнштелле всем, подходящим по возрасту, давали адрес НОРМ и советовали вступить в эту организацию. Молодежь, приезжавшая в Берлин на работу, находила себе в НОРМ друзей и свою русскую компанию, а в Ферттрауэнштелле – защиту от возможных недоразумений.

Помню, был у меня такой случай. Стоял я с кем-то на трамвайной остановке и говорил по-русски. Стоявший около нас немец с улыбкой спросил нас, на каком это мы языке говорим, и, узнав, что мы говорим по-русски, поспешил к ближайшему полицейскому. Обрато он вернулся с полицейским и без улыбки. Полицейский вежливо попросил нас предъявить документы. Мы ему дали наши коричневые удостоверения русского Фертрауенштелле. Он посмотрел на них, сверил нас с фотографиями и, взяв под козырек, сказал: «Спасибо, все в порядке».

Бдительный немец крикнул полицейскому вдогонку: «Но ведь они – русские...», но полицейский не обратил на это внимания. Мой спутник объяснил, что немцы следят, чтобы рабочие из СССР носили полагающиеся нашивки «ост», ограничивающие их в правах, но мы, эмигранты, «остами» не считались и не должны были носить эти нашивки.

«Остам», например, было запрещено ходить в театры, в кино и на другие развлечения. В некоторых городах не разрешали «оста́м» пользоваться трамваями, а в других разрешалось ездить только на площадках.

10. Берлин

Февраль–апрель 1942 г

В 1920 г. в Берлине была основана дружина русских скаутов, запрещенная нацистами через полгода после их прихода к власти, точнее – 17 июня 1933 г., одновременно с запрещением и немецких скаутских организаций, так или иначе связанных с Бойскаутским интернациональным бюро в Лондоне. Остались только католические и протестантские следопыты (Pfadfinder), не имевшие связей с зарубежным скаутизмом. Русские скауты, начальником которых был Владимир Сергеевич Слепян, немедленно переименовались в витязей, но не вошли в подчинение парижскому центру Национальной Организации Витязей, так как подчинение зарубежным центрам было запрещено. Они не порывали со своим скаутским прошлым и в ромбовидном знаке витязей – белый крест с сине-красной каймой – в середине креста носили маленькую лилию.

В своих летних лагерях витязи поднимали только русский флаг, но после лагеря в 1937 г. нацисты потребовали от них подчиниться командованию нацистской организации Гитлеровской молодежи (Hitlerjugend) и поднимать ее флаг со свастикой вместе с русским. Витязи это делать отказались и объявили о самоликвидации. В ноябре 1937 г. у супругов

Пиотровских в Берлин-Шенеберге был устроен последний сбор, на который все витязи пришли в формах.

Отказ подчиниться нацистам и поднимать флаг со свастикой не мог понравиться властям, но никто арестован не был. Наоборот, летом 1938 г. гитлерюгенды пригласили к себе бывших витязей в гости на две недели в их лагерь, предложив явиться в форме, как было сказано, «если она у них сохранилась». Лагерь был устроен на тысячу человек около Франкфурта-на-Одере. Группа витязей прибыла под руководством Эльбрехта Туганова (эстонского подданного и, кажется, мусульманина) и была встречена очень радушно⁴⁴.

Русские гости присутствовали как наблюдатели на детских маневрах, закончившихся штурмом, в котором половина лагерников штурмовала укрепление, а вторая половина оборонялась. Гитлерюгенды дрались отчаянно, и скорая помощь не бездействовала.

Приглашение бывших витязей в лагерь гитлерюгендов было пробным шаром. Увидев, что витязи сохранили свою форму, нацисты поняли, что витязи готовы продолжать свою работу нелегально. Это послужило толчком к созданию в 1939 г. НОРМ, которая должна была поставить русскую молодежь под контроль нацистов. С первого дня НОРМ была в ведении гитлерюгендов, а возглавил ее Сергей фон Таборицкий, женатый на немке, доверенное лицо нацистов. Он ра-

---

⁴⁴ Полчанинов Р. В. «Старые» и «новые» берлинцы // Единение. Сидней. № 2262, 3.6.1994 (со слов «старого» берлинца Олега Геннадиевича Сампсидиса).

ботал как заместитель руководителя (Stellvertretender Leiter) Доверенного по русским делам. Формально руководителем числился генерал Василий Бискупский (?–1945), но фактически все было в руках Таборицкого.

На моем удостоверении № 12714 от 10 февраля 1942 г. стоит подпись не ген. Бискупского, а его заместителя, причем подпись не собственноручная, а печать факсимиле. Раз удостоверение не подписывалось собственноручно, то логичнее было бы ставить печать начальника, а не его заместителя. Но нацисты любили символику, и это должно было подчеркивать, кому они в действительности доверяют.

Генерал Бискупский имел немалые заслуги перед Гитлером. Говорили, что в 1923 г. у него на квартире в Мюнхене скрывался какое-то время Гитлер после своего неудачного восстания. Но это не спасло генерала от неприятностей. Он *«был заключен в тюрьму и месяца два просидел по обвинению в заговоре с целью покушения на жизнь вождя. Впоследствии Бискупский был назначен Гитлером комиссаром над русскими беженцами и взял себе в помощники Фабрициуса»*⁴⁵. Фабрициус был представителем провозгласившего себя императором Кирилла Владимировича. Сам Бискупский своего монархизма не скрывал.

Фертрауенштелле была создана в 1936 г.⁴⁶, и надо полагать, что нацисты вскоре заменили Фабрициуса своим чело-

---

⁴⁵ Гессен И. В. Годы изгнания. Париж: ИМКА-Пресс, 1979. С. 242.

⁴⁶ Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1981. С. 147.

веком – Таборицким, оставив Бискупского во главе комитета только для видимости. Бискупский в последние годы войны болел, редко появлялся в канцелярии и умер, как мне говорили, в Мюнхене 18 июня 1945 г.

С. В. Таборицкий и П. Н. Шабельский-Борк принадлежали к ультраправому крылу эмиграции и пытались убить Милюкова. 28 марта 1922 г. в Берлине состоялась лекция П. Н. Милюкова. «...как только был объявлен перерыв, <...> несколько человек бросилось вперед, двое из них что-то выкрикивали, и вдруг блеснул выстрел. <...> Каминка и Набоков бросились к стрелявшему. Набоков схватил его за руку, тот сопротивлялся, и оба упали на пол. В этот момент подбежал другой, тоже выстрелил и, высвободив своего товарища, бросился с ним к выходу. <...> Набоков был убит наповал. Выстрел сделан был в упор в спину»⁴⁷. «Таборицкий и Шабельский-Борк были приговорены к 12 годам тюрьмы, но в 1927 г. помилованы решением прусского Министерства юстиции»⁴⁸.

Возглавив формально НОРМ, Таборицкому нужен был человек, который фактически бы вел всю работу с молодежью, для чего у него не было ни знаний, ни опыта, ни времени. Таборицкий знал, что Иван Александрович Мелких, не будучи немецким подданным, пошел добровольно на ра-

---

⁴⁷ Гессен И. В. Указ. соч., с. 134–135.

⁴⁸ Назаров М. В. Миссия русской эмиграции. Ставрополь: Кавказский край, 1992. С. 137.

бочую службу (Arbetdienst), которая заменяла немцам службу в армии в годы до введения всеобщей воинской повинности. В его глазах это было знаком лояльности к Германии, и потому выбор Таборицкого остановился на Мелких, человеке умном, энергичном и амбициозном, который согласился быть у Таборицкого начальником штаба берлинского НОРМ.

Мелких рассказывал мне, как он, будучи на арбайтдинст, маршировал вместе с немцами с лопатой вместо винтовки на плече. Как инженер, он ничего не копал, но работал простым рабочим на строительстве, и это, по его словам, было ему вторым университетом, где он научился понимать рабочих и отношения между людьми.

Мелких был женат на певице Ирине, урожденной Правосудович, с которой развелся в 1943 г. Они оба были когда-то русскими скаутами. За свою работу ни Мелких, ни его жена жалования не получали. В обязанности Мелких входило раз в месяц являться к Таборицкому в Фертрауенштелле с докладом о делах НОРМ и получать от Фертрауенштелле деньги на помещение, освещение, отопление, телефон и канцелярские расходы.

Таборицкий никогда не посещал НОРМ и в дела молодежи не вмешивался. Он писал начальству гитлеровской молодежи отчеты и иногда выступал как глава НОРМ на страницах берлинской газеты «Новое слово». Ваня и Ирина Мелких с самого начала старались, чтобы НОРМ не был похож на витязей. Витязи носили форму синего цвета и рубашки,

заправлявшиеся в штаны или юбки. Мелких придумал для НОРМ черные косоворотки на выпуск с широкими солдатскими погонами. Первое время членами НОРМ была только русская берлинская молодежь старше 16 лет. Потом, когда в Берлин стала приезжать на работу молодежь сперва из Франции, а потом и из других стран, началось деление на «старых» и «новых» берлинцев. Чем больше русской молодежи приезжало в Германию на работы, тем больше становилось в НОРМ «новых» берлинцев. И Ваня, и Ирина Мелких встречали всех «новых» берлинцев радушно и старались им всячески помогать. Они также старались найти себе среди «новых» сотрудников и помощников.

Первым из «новых» берлинцев, предложившим помощь, был Утехин. Во Франции он был руководителем разведчиков НОРР (организация Богдановича). Это он предложил Ване Мелких для знака НОРМ взять ополченский крест с надписью справа «НОРМ» и слева «1939», на манер такого же знака НОРР, у которого были даты 1682–1932. Ему была поручена работа с младшими – учениками русско-немецкой гимназии. Свой отряд Утехин хотел назвать разведческим, а Ване хотелось назвать ребят ушкуйниками. Обе стороны пошли на уступки, и отряд был назван «Ушкуйным войском разведчиков». Мелких назначил Утехина «дружинным атаманом». Атаман стал соответствовать руководителю у разведчиков, и в НОРМ появились младшие атаманы, атаманы и старшие атаманы. Утехин занимался с ушкуйниками-развед-

чиками строим и разучиванием песен, причем песни разучивались в строю под маршировку на месте. Ушкуйное войско разведчиков охватывало примерно 40–50 человек.

В работе со старшими Ване и Ирине Мелких помогали члены НТС, приехавшие из Чехии и Франции. Одним из сотрудников и советников Вани был приехавший из Праги начальник витезей в Чехии д-р Николай Митрофанович Сергеев (1909–1944), которого Ваня и «старые» берлинцы хорошо знали, так как он бывал у них в гостях со своими витезями из Праги и Брно. Он был одним из руководителей подпольного НТС, который, чтобы не сотрудничать с нацистами, и в Германии, и в Чехии вынужден был официально самоликвидироваться. Нацисты, конечно за ним следили, и в июне 1944 д-р Сергеев был арестован, отправлен в концлагерь Заксенхаузен, где и погиб в июле того же года.

Сергеев начал работу с взрослыми людьми 25–40 лет, которых все больше и больше стало прибывать на работу в Берлин. Для них он стал устраивать доклады, приглашая докладчиков из НТС: Владимира Дмитриевича Поремского (1909–1997) и Серафима Павловича Рождественского (1903–1992) из Франции и «старого» берлинца Романа Николаевича Редлиха (1911–2003). Все трое были замечательными докладчиками. На их доклады приходило человек 60, как членов НОРМ, так и посторонних.

После конфликта группы членов НТС из Югославии с немцами под Киевом, через Берлин на оккупированную тер-

риторию направлялась в конце 1941 г. вторая группа, куда входил Олег Сергеевич Поляков (1922–1989). В Берлине группа была уволена с работы. Всем было уплачено возмещение за нарушение контракта и предложено устраиваться на работу в Германии. Поляков нашел работу в Берлине и устроился на жительство в НОРМ. Ему была поручена работа с младшими, т. е. с Ушкуйным войском разведчиков, а Утехин взялся за работу со старшими, которых было человек двадцать. Сборы кончались песнями, среди которых самой популярной была песня «Шумел, горел пожар московский...», в которой Наполеон задавал себе вопрос: «Зачем я шел к тебе, Россия? Европу б всю держал в руке». Удивительно, что никто не донес. Не было доносов и на рассказчиков антинацистских анекдотов.

Одновременно, независимо от Берлина, стали возникать единицы НОРМ в городах Вартегау (присоединенная к Германии часть Польши). В Лицманштадте (Лодзь) работала Ирина де-Лазари, в Катовицах и Сосновицах – Ольга Хростицкая, член НТС, бывшая начальница отряда разведчиц в Белграде, в Торне (Торунь) – Васильев, в Позене (Познань) – член НТС Сергей Голубев. Витязи в Чешско-Моравском протекторате после арестов в 1941 г. решили, во избежание новых неприятностей, переименоваться в НОРМ. Зная о НОРМ из газет и от Сергеева, Мелких решил объединить все единицы НОРМ в одну организацию и возглавить в Берлине Центральный штаб НОРМ. Таборицкий не возражал, гитле-

рюгендское начальство тоже, но группы НОРМ в провинции не проявляли никакого желания идти к кому-то в подчинение.

Сергеев заверил Мелких, что витязи Центральный штаб формально признают и будут давать отчеты, но при условии полного невмешательства в их внутренние дела. Это было выгодно и одной и другой стороне. Сложнее было с НОРМ в Вартегау. К счастью, во главе НОРМ в Катовицах-Сосновицах стояла Ольга Хростицкая, работавшая с разведчицами в Югославии, знавшая и Полякова, и меня. С нее и было решено начать. Я ей написал письмо и дальнейшие переговоры поручил Полякову.

Перед своим отъездом из Берлина Мартино посетил 11 февраля НОРМ, чтобы попрощаться с Мелких и передать мне должность начальника ИЧ. Тут же был написан приказ № 3, подписанный Мартино, в котором было сказано: *«Ввиду того, что мой отъезд из Берлина вызовет временный перерыв связи в Инструкторской части, назначаю своим заместителем до восстановления нормальной связи старшего руководителя Р. В. Полчанинова»*. Тут же был составлен и мой приказ № 4, в котором я сообщил о распоряжении О. И. Пантюхова о переименовании НОРС-Р – Национальной Организации Русских Скаутов-Разведчиков в НОРР – Национальную Организацию Российских Разведчиков.

Как потом стало известно, Мартино перешел нелегально, по пояс в снегу, границу Генерал-губернаторства (оккупиро-

ванной части Польши) около Ченстоховы и прибыл в Варшаву.

Все это совпало с началом моих переговоров с Мелких и Сергеевым об объединении подпольных разведчиков с витезями в Праге и Брно и с Ушкуйным войском разведчиков НОРМ. Чтобы показать нашу готовность оказать помощь НОРМ, в последнем параграфе моего приказа № 4 было сказано: *«Предписывается всем руководителям на местах поддерживать работу НОРМ и по возможности организовывать единицы НОРМ там, где их до сих пор не было»*.

Переговоры шли весь февраль и закончились в марте 1942 г. Была достигнута договоренность о вхождении двух дружин витезей в Праге и Брно в подпольную организацию разведчиков с условием, что название «витезь» сохранится для старшей ветви организации. Об этом было сказано в приказе № 9 по ИЧ от 1 января 1943 г. в параграфе 5: *«Ушкуйникам, давшим Торжественное обещание (ТО) ушкуйников, присваивается наименование ушкуйников-витезей»*. Вторым условием было сохранение памяти о погибших витезях в организации разведчиков. Это условие, начиная с сентября 1946 г. в лагере «Памяти Верных», сохраняется и поныне в ОРЮР. Третьим условием было сохранение знака витезей – белого креста на фоне сине-красного ромба на лилии как знака для старшей ветви организации. Это условие было выполнено приказом № 15 по ОРЮР от 20 ноября 1947 г., параграф 7 которого гласил: *«Утверждаю знак старшего разведчества:*

на квадратном суконном поле зеленого цвета (сторона 5 см) по диагонали вышитая серебряная лилия со знаком Пражской дружины витязей посередине».

Мелких я обещал полную поддержку его плана создания под его руководством Центрального штаба НОРМ в Берлине, а он согласился включить НОРМ в подпольную организацию разведчиков и быть прикрытием подпольной работы разведчиков. В завершение я предложил Мелких и Сергееву стать членами ИЧ подпольной разведческой организации. Обо всем этом, приехав в Варшаву, я доложил Мартино, передавая ему должность начальника ИЧ. По ряду причин, в том числе болезни Мартино, передача дел ИЧ Евгению Евгеньевичу Поздееву (1916–1994) и мой отъезд в Псков, назначение Мелких и Сергеева в состав ИЧ не были проведены через приказ, но об этом знали те, кому это следовало знать.

В феврале 1942 г., вскоре после моего приезда в Берлин, Мелких поручил мне работу с одиночками, передав мне полученное им недавно письмо от Жени Праутина из Альгрингена (присоединенная к Германии Лотарингия), который состоял до войны в НОРС-Р, узнав из газеты «Новое слово» адрес Берлинского НОРМ, решил вступить в связь.

В штаб Отделения одиночек Мелких назначил Жоржа Богатырева из Сараева, Володю Быкадорова из Парижа, Милу Малышевскую из Белграда и старую берлинку Аллу Погорелову. Для них я решил провести КДВ – курс для вожаков. Когда я курсантам сказал, что курс будет называться КДВ, то

сразу поднялся хохот. Оказывается, самый известный берлинский универмаг назывался тоже КДВ. Я не смутился, а курсанты сперва посмеялись, а потом привыкли.

Теорию мы связывали с практикой. Кроме Праутина в Альгрингене, в Марбурге (до 1941 г. югославском Мариборе) жили одиночки – брат и сестра, дети югославянского летчика, которые в начале войны из приграничного города Марибора переехали в Сараево и там вступили в нашу дружину. Вот им мы и написали наши первые письма.

Затем мы обратились во все приходы Германской епархии с просьбой сообщить о русских детях, которых можно было бы привлечь в НОРМ. Помню, что не все настоятели ответили, а и те, которые ответили, ничего утешительного сообщить нам не могли. Только из Дрездена пришел ответ, что там проживает молодой человек Скалон, бывший ранее русским скаутом. Жорж Богатырев вошел с ним в связь и даже поехал в Дрезден, чтобы лично познакомиться. В Дрездене было довольно много русских, и можно было бы собрать детей, но у Богатырева это с первого раза не получилось, и я решил сам поехать и попробовать. Встреча была интересной. Скалон показал мне скаутский звеновой флажок, который он сохранил, вспоминал скаутские лагеря, но начинать работу с детьми в Дрездене категорически отказался.

Пока Мартино ожидал отправки на восток, мы с ним, как знатные туристы, осматривали Берлин, но после его отъезда я решил поискать себе работу. Все было недорого, цены бы-

ли твердые, но запас марок, купленных в Загребе, подходил к концу.

Незадолго до нашего приезда на Берлин был небольшой налет союзной авиации. Несколько домов пострадало, но не сильно. Мы ходили посмотреть, и никаких следов разрушений не обнаружили. Мусор был убран, стекла вставлены. Пострадавшие немедленно получили талоны на покупку новых вещей. Мы ходили посмотреть на главный берлинский универмаг – КаДеВе. Огромное, многоэтажное здание, ломившееся от товаров. Там было все, но только по талонам. Помещение НОРМ было в берлинском районе Шенеберг. Там, недалеко от НОРМ, была синагога, и около нее можно было встретить пожилых евреев со звездами на пальто. В других местах евреи нам не встречались. Их без особого шума вывозили из Берлина в гетто восточноевропейских городов, например, в Ригу. В Берлине гетто не было, и евреи жили в тех же домах, где и немцы, но у них на входных дверях были наклеены звезды. Говорилось, что их вывозят на работы. Оно вначале так и было. Убийства жителей гетто начались только летом 1942 г.

В русской начальной школе в Сараеве для мальчиков были уроки переплета, и я решил в Германии стать переплетчиком. На вопрос о профессии в Фертрауенштелле я ответил, что я переплетчик, и мне так и записали в моем удостоверении. Я решил поискать работу недалеко от места жительства. В ресторане, где за обед, включая чаевые, с меня взяли

1 марку и 15 пфеннигов, я еще, по совету Полякова, оставил на столе 10 пфеннигов и, взяв телефонную книгу «по профессиям» и план Берлина, выписал адреса ближайших переплетных.

На следующий день, рано утром, я пошел в ближайшую мастерскую и предложил свои услуги. Хозяин спросил у меня бумаги. Я ему показал рабочий паспорт и удостоверение, где было черным по белому сказано, что я по профессии переплетчик, но хозяину этого было мало. Он попросил меня показать ему мою рабочую книжку (Arbeitsbuch). Я показал ему мое удостоверение служащего Югочелика, написанное только по-сербскохорватски. Оно было внушительным, с фотографией и многими печатями, но непонятным для немца-хозяина. Он повертел его в руках и спросил, почему ничего нет по-немецки. Я объяснил, что хоть удостоверение и было выдано во время войны, в 1940 году, но в Югославии тогда еще не думали, что страна будет вскоре оккупирована немцами, и потому не предусмотрели перевода на немецкий язык. Хозяин улыбнулся, и сказал, что берет меня на пробу.

Он дал мне пачку портретов на меловой бумаге и указал на гору книг на полу. Надо было приклеивать по портрету автора на каждую книгу. Я взял первую книгу и портрет, смазал его клеем и приклеил. Хозяин молча смотрел на меня, и когда я взялся за следующую, то спросил:

– Кто тебя учил так работать? Вот как надо. Он взял всю пачку портретов, выровнял их и одним мазком смазал их все

клеем. Потом взял десяток книг и стал быстро приклеивать один портрет за другим. У него все прямо летело.

Потом он показал мне, как сшивать книги проволокой на специальной машине, и был искренно удивлен, узнав, что у меня нет гладилки (маленькой тонкой костяной дощечки), которая у настоящего переплетчика всегда в кармане. Он понял, с кем имеет дело, улыбнулся и подарил мне гладилку. Когда наступил обеденный перерыв, он сказал мне: Дорогой мой, я возьму тебя на работу и буду платить 66 пфеннигов в час. Согласен?

Я знал, что столько получает начинающий (вспомогательный) рабочий (Hilfsarbeiter), и сказал – «нет, я хочу 99 пфеннигов», а это было ставкой для специалистов.

– Я не говорю, что ты не специалист и, в принципе, не возражаю против 99 пфеннигов, но ты работаешь хуже моего помощника, которому я плачу 66 пфеннигов, и если я дам тебе 99 пфеннигов, то и он потребует такую же плату для себя, а платить вам обоим по 99 пфеннигов мне будет слишком дорого.

За проработанные мною 4 часа он дал мне серебряную монету в 5 марок, и когда я вынул кошелек, чтобы дать ему сдачу, он отказался и, пожелав удачи, попрощался. Это был остроумный и добрый человек.

Отмечу, что хотя правительство незаметно изымало не только серебряные монеты, но и медную мелочь в 5 и 10 пфеннигов, заменяя их черными монетами из свинцового

сплава, и серебряные, и медные монеты в начале 1942 г. все еще были в обращении.

На следующий день я снова отправился искать работу. Сперва мне отказали в нескольких местах, но потом нашелся один мастер, которому нужен был временный рабочий для переплета 3000 книг, издательницей которых была одна дама, жившая в том же доме, где была и переплетная. Хозяин спросил меня, согласен ли я на временную работу, и когда я согласился, спросил меня, сколько я хочу получать в час. Я назвал 99 пфеннигов, и он согласился взять меня на пробу, предложив сразу же надеть фартук. Я ему объяснил, что, нанимаясь в Хорватии на работу, мне обещали, что халат я получу там, где буду работать. Он извинился и стал объяснять, что у него маленькая мастерская, что он работает без помощников и не имеет лишнего халата.

В этот раз я не ударил лицом в грязь. Получив пачку портретов, я их сложил как надо и одним мазком смазал их клеем и быстро приклеил. Вчерашний урок мне пришелся на пользу. Гладилка тоже торчала у меня из кармана и свидетельствовала о моей принадлежности к переплетной профессии.

Переплетчик выполнял заказ по частям. Сотня книг была почти готова, а все прочее было еще не сброшюровано. Хозяин хотел посмотреть, как я буду брошюровать, и тут я тоже, пользуясь вчерашним опытом, сделал все как надо. Хозяин был доволен, но, прощаясь со мной, просил принести ему на следующий день немецкую рабочую книжку, так как

моя из Югославии в Германии не действительна. Я сказал, что ее у меня нет.

– Разве тебе ее не дали на бирже труда?

Когда я сказал, что кроме рабочего паспорта, в котором было сказано по-немецки, что я переплетчик, у меня ничего больше нет, ему стало ясно, что я нанимаюсь к нему нелегально. Он знал, что через биржу труда он никого на временную работу не получит, и принял меня на работу. Я для него был находкой, так же как и он для меня. Платил он мне 99 пфеннигов в час без вычетов, а работал я у него с 8 утра до 5 вечера, а по субботам до двух. Как только сто книг было готово, я их в двух чемоданах тащил к издательнице на третий этаж (лифта в доме не было) и получал на чай 10 пфеннигов. Первый раз, с непривычки, я чуть было не отказался от чаевых, но быстро понял, что, назвавшись рабочим, должен себя вести по-пролетарски.

С работы домой, то есть в НОРМ, я приходил первым, минут через 20 после конца работы. Хотя мы и имели такие же продовольственные карточки, как и немцы, и в начале 1942 г. по ним давали еще вполне прилично, мы все и всегда чувствовали себя голодными. Приходя с работы, я съедал свою вечернюю порцию хлеба с мармеладом, а когда приходил Олег и другие жители НОРМ, то у меня, в самом буквальном смысле слова, начинали течь слюнки. Я не выдерживал и съедал утреннюю порцию хлеба. Но через два-три дня я нашел выход из положения и предложил всем не

начинать есть, пока все не вернутся с работы.

Дело в том, что все мы были холостяками и питались в ресторанах, а там, вырезая у нас карточки, давали, конечно, меньше, чем было положено. Не раз нам было стыдно, что мы, идейная молодежь, собравшись вместе, частенько переходили, как мы говорили, на «кулинарные темы». Сперва мы говорили о том, где и что можно было достать без карточек, например, измятку (Buttermilch), картошку и еще что-то, затем, в каких ресторанах за те же карточки дают больше и, наконец, какой вкусный хлеб, сосиски или пирожные были в Югославии. Конечно, кто-нибудь из нас переводил разговор на более идейные темы, но ведь и идейные люди не обходятся без еды.

В НОРМ приходила разная молодежь из разных стран. Члены НТС приезжали в Геманию якобы на работу, чтобы двигаться дальше в Россию, а были среди молодежи и такие, которые приезжали именно работать и приходили в НОРМ, чтобы отвлечься и развлечься. Помню, как один, узнав, что я работаю до 5 часов, предложил устроить меня на вторую работу. Я, конечно, отказался. Не для того я приехал в Германию.

По тому, кто как говорил, легко было узнать, кто откуда приехал. Только члены НТС, готовясь к встрече с молодежью на родине, следили за своим русским языком и не употребляли в разговоре иностранных слов. Впрочем, и у них это бывало. Так я, однажды, решив пристыдить ребят за упо-

требление иностранных слов, услышал от них, что и я этим грешу: я киоск называю «трафикай», а это не по-русски. Я был потрясен. За 22 года жизни в Югославии я ни разу ни от кого не слышал слова «киоск» и думал, что «трафика» русское слово.

Зато члены НТС страдали другим. Все мы употребляли такие советские словечки, как «ребята», «отобразить», или выражения вроде «в разрез и по линии» или зощенковское «что за шум, а драки нет». От членов НТС члены НОРМ научились петь многие советские песни, зачастую не зная об их советском происхождении. Это были и «Крутыми тропинками в горы», и «Веселый ветер», и «Я на подвиг тебя провожала» и многие другие.

Русская молодежь из Франции, даже знающая русский язык, между собой говорила, как правило, по-французски. На вопрос «как дела?» отвечали по-французски – «са ва». Вначале это было забавно слышать, но потом перестало казаться смешным. «Старые» берлинцы чепуху называли по-немецки – «квач» и в виде восклицания говорили «Mensch!» (человече!). Курс для вожаков – КДВ русские из Польши называли КаДеВу и подмешивали польские словечки, чем, впрочем, страдали и эмигранты из Югославии.

Вообще, русская молодежь из разных стран представляла собой довольно пеструю картину. Началось деление на «старых» берлинцев и «новых» берлинцев, т. е. новоприезжих. Это были два разных мира. «Старые» берлинцы либо учи-

лись в русско-немецкой гимназии, либо имели интеллигентную работу, питались дома, имели связи с местным населением. «Новые» берлинцы были простыми низкооплачиваемыми рабочими и питались в ресторанах. Во главе НОРМ стояли «старые» берлинцы – Ваня и Ира Мелких, а на всех остальных руководящих местах оказались «новые» берлинцы. Некоторые «старые» берлинцы были этим недовольны, но не хотели понять, что они в этом сами виноваты. Им никто не мешал занять ту или иную руководительскую должность, но они предпочитали не руководить, а быть руководимыми.

Рождественский, работая в редакции «Нового слова», устраивал там после конца работы доклады для членов НТС и их друзей. Первое время «Новое слово» можно было купить и на оккупированной территории СССР, куда спецкором ездил Февр, писавший о своих впечатлениях под заголовком «Солнце всходит на Западе», но потом немцы ограничили распространение «Нового слова» на Германию и Генерал-губернаторство. Редакция получала газеты, печатавшиеся на оккупированных территориях, и делала из них выдержки. На собраниях в редакции Рождественский читал те сообщения, которые почему-либо не попадали в «Новое слово», снабжая их комментариями, где между строк говорилось о том, о чем нельзя было написать. Помню одно такое сообщение об открытии маслобойного завода. Из комментариев становилось ясно, что раньше крестьяне могли исполь-

зовать молоко для себя, а после открытия завода все молоко шло на масло для немецкой армии.

Когда заказ в переплетной, где я работал, был выполнен и хозяин попрощался со мной, мне надо было снова искать работу. Я ее нашел без особого труда, но хозяин послал меня на биржу труда за рабочей книжкой. Книжку я получил, но одновременно и назначение в другую переплетную, туда, где надо было в спешном порядке переплести новые телефонные книги. Долго я там не проработал, так как в апреле НТС решил послать меня в Варшаву на работу в Дом молодежи, чтобы заменить Мартино, который в мае должен был бы двинуться в Смоленск.

После моего отъезда в Варшаву начальником Отделения одиночек был назначен атаман (так в НОРМ назывались руководители) Павел Синкевич, а его помощником Володя (Владимир Исаакиевич) Быкадоров. Отделение выпускало в Берлине «Костер одиночек». Третий и, кажется, последний, номер вышел перед лагерем, который должен был бы состояться с 15 августа по 1 сентября 1944 г.

До войны издание местных журналов в Югославии было одной из форм воспитательной и образовательной работы с разведчиками. В 1941–1945 гг. в Германии, в ее границах того времени, выходили, кроме берлинского «Костра одиночек», с 1 марта 1944 г. еще «Рук-Вож» – журнал для руководителей и вожаков, в Катовицах-Сосновицах – «К родным полям», в Лицманштадте «Наш труд» и в Альгринге-

не сборник «Вперед» (кажется, только один номер). О журнале псковских одиночек «Перезвоны» и венском сборнике «Вперед» будет сказано далее.

11. Берлин 1942 г. – V Курс для руководителей

В 1942 г. проводился V Курс для руководителей – одновременно под общим номером в Варшаве и Берлине. Начальником КДР в Берлине был назначен Олег Сергеевич Поляков, который в 1939 г. окончил в Шуметлице (Югославия) II КДР, преподавал в 1940 г. на III КДР под Белашницей около Пазарича – Сараева (Югославия) и в 1941 г. в исключительно трудных условиях сам провел IV КДР под Смедеревом в оккупированной немцами Сербии. V КДР в Берлине был начат в середине мая и закончен 15 августа 1942 г.

В то время как все предыдущие курсы, включая и V КДР в Варшаве, проводились в летних лагерях, КДР в Берлине проводился летом, но в обстановке загородных походов. Кроме самого Полякова, инструктором на курсе был доктор Николай Митрофанович Сергеев, начальник витезей в Чехии, незадолго до этого принятый Р. Полчаниновым в подпольную НОРС-Р. Курсантами были старший звеновой НОРР Владимир Исаакович Быкадоров, Володя Кеппен, по прозвищу «Дима», недавно окончивший версальский корпус-лицей, Катя и Оля Новосельские, ученицы русско-сербской гимназии в Белграде – все курсанты вступили в подпольную НОРС-Р, откинувшую в годы войны слово «скаут».

К курсантам ставились строгие требования, и из всех курсантов окончили курс только Быкадоров и Кеппен. В воспоминаниях о КДР в «Вестнике ЗАО» (1990. № 3) Быкадоров писал:

«Несмотря на разницу в возрасте, образовании и довоенной принадлежности к разным молодежным организациям, с первого дня курса между руководителями и курсантами возникла искренняя, братская дружба. Всеми нами руководила одна, всепоглощающая мысль: бескорыстное служение нашей многострадальной родине.

На курсе пламенных, патриотических слов не произносилось. Все мы тогда и без зажигательных девизов горели, как могут гореть лишь подлинные, готовые на любую жертву патриоты. У нас всех была тайная надежда: с Божьей помощью, благополучно добратся до России, и там, на родной земле, среди своих, применить только что приобретенные знания.

Чтобы получать продовольственные карточки, а также и право на жительство в Берлине, нам нужно было работать на фабриках не менее 56 часов в неделю.

Лекции нам читались по вечерам, после рабочего дня. Часто их прерывали воздушные налеты. По воскресеньям под руководством д-ра Сергеева мы отправлялись за город, в лес, где вдали от посторонних взглядов мы старались заняться обыкновенно проходимой в лагере практикой.

После письменной выпускной работы, прихватив с собой

нескольких курсантов, окончивших КДВ – курс для возжаксов, мы уехали в лес на ночевку. Доехав до последней станции электрички, мы долго бродили по незнакомому лесу в поисках удобного места для ночлега. Вдруг, неожиданно, на нас направился ослепительный луч электрического фонаря. Одновременно раздается резкий немецкий приказ – *Halt!*

– Попались, будь они неладны! – шепотом, сквозь зубы произносит кто-то из нас. На сей раз не миновать нам ареста! Выручил нас самый молодой, находчивый член нашей группы – возжак Коля Бельгард. Мгновенно сообразив, что из всех нас он единственный, который безукоризненно и без акцента говорит по-немецки, он вышел вперед и на вопрос – кто мы такие – ответил, что мы находимся здесь по заданию нашей молодежной организации. Цель же нашего задания: закаление воли и характера для будущей борьбы с врагами родины. О какой организации и о какой родине шла речь, наш молодой друг разъяснить не стал.

Приняв нас за *Hitlerjugend*, охранник проходящей через лес электрической линии высокого напряжения понимающе кивнул головой, сказав: *Ah, ja, natuerlich, selbstverstaendlich!* (Ах, да, конечно, само собой разумеется!). Без всяких затруднений, даже с некоторой услужливостью, пропустил он нас вглубь леса, предупредив, что нам надо держаться правее, чтобы миновать следующие сторожей».

Ни инструктора, ни окончившие курс Быкадоров и Кеппен – все четверо члены НТС, не миновали трагической

судьбы. Поляков и Кеппен были схвачены смершевцами и получили по 15 лет заключения в советских лагерях, д-ра Сергеева арестовало гестапо и он погиб в концлагере, а Быкадоров тоже попал в немецкий концлагерь, но выжил.

12. В Варшаве 1940–1941 гг

1 сентября 1939 г. Германия напала на Польшу, а 17 сентября Красная армия вошла в Западную Белоруссию и Западную Украину. Варшава была взята немцами 28 сентября. И нацисты, и большевики на занятых ими территориях запретили Союз польского харцерства, в состав которого входили отряды русских скаутов.

Первый подпольный отряд русских скаутов-разведчиков был создан в Варшаве. Председатель Русского комитета в Генерал-губернаторстве Сергей Львович Войцеховский, описавший вкратце работу с молодежью в своих воспоминаниях, напечатанных сперва в журнале «Возрождение», а затем в сборнике «Эпизоды», по моей просьбе сообщил мне дополнительно некоторые подробности:

«Весной 1940 года служащим Русского комитета в Варшаве Павлом Алексеевичем Жирицким, принадлежавшим до войны в Лодзи к Союзу польского харцерства, была основана дружина русских вожатых и разведчиков, летом того же года переименованная в НОРМ – Национальную Организацию Русской Молодежи»⁴⁹. Это было сделано из осторожности. Немцам можно было сказать, что варшавская НОРМ –

---

⁴⁹ Полчанинов Р. В. История разведчества. Нью Хайд-Парк (США), 1977. С. 15.

это то же, что и ими самими созданная берлинская НОРМ, хотя варшавская не только не вошла в подчинение Берлину, но и вообще с Берлином не устанавливала никаких связей. По существу, дружина вожатых и разведчиков не была переименована в НОРМ, а влилась в новосозданную НОРМ, которая представляла собой клуб молодежи, возглавляемый Виктором Алексеевичем Федяем (р. 1914). В то время как Жирицкий и Екатерина Навроцкая вели с младшими разведческую работу, старшие *«встречались, вели беседы, играли в пинг-понг. Был и курс автомехаников, который вел Иван Иванович Виноградов»*, член НТС. Многие из членов НОРМ вступили в НТС, *«в эту популярную в то время организацию»*⁵⁰.

1 июля 1940 года при содействии варшавского Русского комитета состоялось открытие летнего лагеря НОРМ в Сви-дере под Варшавой. Накануне в варшавском православном храме Св. Троицы был отслужен молебен. Первый лагерь в Сви-дере был устроен на незастроенном участке, на берегу мелководной реки. Обстановка была примитивной и бедной. Участницы лагеря жили в полотняных палатках, участники – в деревянных шалашах. Столовую заменял вырытый в земле ров, на краю которого ребята сидели, получая пищу из кухни под открытым небом. Посуду мыли в реке. Начальником лагеря и его мужского отряда был Жирицкий (1925?–

---

⁵⁰ Письмо Зинаиды Моисеевны Федяй (р. 1922) от 10 февр. и 29 апр. 2004 г. в архиве автора.

1980-е гг.), его помощницей и начальницей женского отряда – Екатерина Навроцкая. Над лагерем, на мачте, развевался трехцветный русский флаг. Прикрепленный к древку флаг выносился в строю обитателей лагеря. Воскресные богослужения совершал приезжавший из Варшавы протоиерей Георгий Лотоцкий. Для этих богослужений был сооружен из веток шалаш. В августе в лагере состоялось приведение его участников и участниц к Торжественному скаутскому обещанию с вручением им скаутского значка. Скаутская эмблема – лилия – была сложена из небольших камней у подножия мачты с русским флагом⁵¹.

Зимой 1940–1941 гг. сборы разведчиков и разведчиц НОРМ проходили в особняке графа Тышкевича на Аллее Роз, 4, предоставленном Русскому комитету владельцем особняка, женатым на падчерице вел. кн. Николая Николаевича.

Вероятно, немцы узнали о скаутском характере работы Жирицкого и Навроцкой, и Войцеховскому пришлось отстранить их от общественных дел и назначить начальником НОРМ известного своими пронацистскими взглядами Георгия Михайловича Шульгина. В своем письме Войцеховский сообщил только, что *«в июле 1941 г. состоялось открытие второго летнего лагеря НОРМ на территории усадьбы Соловьевка в Свидере, арендованной Русским комитетом. Начальником лагеря был Г. М. Шульгин, начальником мужской*

---

⁵¹ Полчанинов Р. В. История разведчества. Нью Хайд-Парк (США), 1977. С. 15.

дружины Михаил Викторович Монтвилов (р. 1914), начальницей женской дружины – Ирина Блюмович. Начальницей созданной при лагере детской колонии была Н. А. Горбань. Для участников и участниц лагеря, включая детскую колонию, была установлена форма – белые фуфайки со щитом русских национальных цветов на груди, синие трусики. Изображение скаутской эмблемы – лилии – у подножия мачты с русским флагом было по требованию члена правления Русского комитета и руководителя НТС Александра Эмилевича Вюрглера заменено на изображение трезубца – эмблемы НТС и надписью «За Россию». Это изменение привело к конфликту между Шульгиным и Вюрглером, которому Комитет поручил надзор за лагерем. Молебен при открытии лагеря был отслужен протоиереем Дмитрием Сайковичем, совершавшим затем в лагере и воскресные богослужения. Для этого беседка была превращена в постоянную часовню, заменявшую алтарь при служении литургии. «Конфликт между Шульгиным и Вюрглером привел к ликвидации НОРМ, функции которой были приняты на себя Русским комитетом»⁵².

Из-за чего был конфликт и почему надо было ликвидировать НОРМ, Войцеховский мне не написал. От члена НТС Монтвилова, бывшего до войны в Бресте русским скаутским руководителем, а в лагере начальником мужской дружины,

---

⁵² *Полчанинов Р. В.* История разведчества. С. 23–24. Эта статья была проверена и дополнена Ольгой Сергеевной Астромовой (ур. Безрадецкой), Михаилом Викторовичем Монтвиловым и Зинаидой Моисеевной Федяй (ур. Дудниковой), за что им автор приносит глубокую благодарность.

мне стало известно, что из-за пронацистской пропаганды Шульгина у него с ним с самого начала были столкновения, и Монтвиллов покинул лагерь, не дожидаясь конца, заявив Войцеховскому о невозможности сотрудничества с Шульгиным.

Памятным событием во втором лагере в Свидере были проводы первой группы НТС, отправлявшейся в оккупированную Россию. Задачей группы было служить квартирьерами и готовить путь следующим. Группу вел Владимир Николаевич Кашников (1922–1991), которому тогда было 19 лет. Казалось, что сбываются слова любимой скаутской песни:

В путь-дорогу, в край родных полей
Полетим мы сокола быстреей.
Бурным вихрем силы молодой
Разнесем снега страны родной...

Вюрглер присутствовал на проводах, но, вероятно, поставил перед Войцеховским вопрос ребром: либо он, либо Шульгин, и ликвидация НОРМ стала для Войцеховского удобным выходом из положения. В результате немецкий ставленник Шульгин оказался не у дел, а Вюрглер был отстранен от надзора за летними лагерями для русской молодежи.

Осенью 1941 г., вместо НОРМ, в которую входили отряд разведчиков и отряд девочек-вожатых и которая занимала целый этаж на ул. Маршалковской, 68, был создан в том же

помещении Дом молодежи. Его начальником был назначен приемлемый для немцев Анатолий Викторович Шнее, директор немецкого молочного завода Agryl и немец по происхождению. Как бывший русский офицер и член НТС, он был приемлем и для Вюрглера.

Русская молодежь, посещавшая Дом молодежи, состояла в основном из учеников русского Коммерческого училища на улице Новый Свят, но были и работники разных польских и немецких предприятий. В Доме молодежи за 30 грошей русская молодежь могла получить суп с куском хлеба и стакан молока, а в воскресные дни еще и порцию творога. К скудному польскому пайку, а русские имели те же продовольственные карточки, что и поляки, это было заметной добавкой. Немцы с первого дня оккупации Польши закрыли все гимназии, в том числе и русскую, но русское Коммерческое училище не тронули.

13. В Варшаву «по зеленой дорожке»

В апреле 1942 г. у меня была встреча с председателем НТС Байдалаковым. Он сообщил мне, что Мартино в начале мая должен двинуться дальше в Россию, но для этого его надо заменить на его работе в Варшаве в Доме молодежи. Он сказал, что считает меня наиболее подходящим для этого, и спросил меня, готов ли я отправиться нелегально в Варшаву, как это говорилось в Союзе, «по зеленой дорожке». Я сразу согласился, но Байдалаков добавил, что нелегальный переход границы связан с некоторым риском, и готов ли я идти на риск. Я, конечно, сказал, что готов.

Тогда Байдалаков сказал, что риск очень небольшой, но, надеясь на лучшее, надо быть готовым и к худшему. Дорогу проторили польские контрабандисты, и у них не было ни одного провала. Как и где переходить границу, скажет мне член Союза по фамилии Мотор, проживающий в Лицманштадте (до 1939 г. – Лодзь), а он, Байдалаков, обсудит со мной, что и как говорить в случае ареста. Конечно, я не смею никого выдавать, все должен брать на себя, но должен говорить убедительно, так, чтобы немцы мне поверили.

К Байдалакову пришел я с моими документами, Байдалаков их начал рассматривать и, будто бы он следователь, за-

давать мне вопросы.

Первым вопросом было – кто я? Я ответил, что родился в России в 1919 г., отец белый офицер, эмигрировал в Югославию. Окончил четыре класса русской школы, затем местную гимназию (аттестат зрелости), учился заочником на юридическом факультете в Белграде, а после присоединения Сараева к Хорватии перешел в Загребский университет (студенческая книжка). Работал в канцелярии «Хорватских рудников...» (удостоверение). Когда узнал из газет, что Германии нужны рабочие, поехал в Загреб и через немецкую биржу труда прибыл в Берлин. Работал переплетчиком. Основы переплетного дела получил в русской школе.

– Почему вы бежали с работы? – задал мне вопрос Байдалаков и сразу же подсказал ответ: вы не бежали с работы, вы только хотели поменять работу. Вместо переплетчика хотели стать переводчиком. Вы, как сын белого офицера, хотели принести больше пользы делу борьбы с большевизмом. Немцам легче найти переплетчика, чем переводчика.

На вопрос, почему я решился на нелегальный переход границы, надо было бы ответить, что в Берлине не смог получить работу переводчика, а слышал, что в Варшаве это было бы легко сделать. Для этого, если немцы захотят проверить, мне надо было действительно попробовать получить эту работу в какой-нибудь берлинской фирме. В Берлине вас переводчиком не возьмут, сказал Байдалаков, это мы знаем, но главное, что вы пробовали и можете, если надо, доказать.

Я сказал, что, действительно, вскоре после приезда в Берлин, пробовал устроиться переводчиком, но безуспешно. Вот и хорошо, сказал Байдалаков. Это звучит очень убедительно и объясняет, почему вы бросили работу. Конечно, немец сразу спросит, кто это сказал, что в Варшаве можно устроиться переводчиком? Тут надо сказать, что в НОРМ был доклад одного приехавшего переводчика, чью фамилию не помните, который сказал, что немецкие фирмы в Варшаве нуждаются в русских переводчиках. Следующим вопросом будет, а что такое НОРМ? На этот вопрос надо ответить, что это та организация, которую рекомендует молодежи русское Vertrauensstelle, т. е. комитет, которому немцы доверяют. Во главе комитета стоит Бискупский, а во главе НОРМ стоит фон Таборицкий, его помощник и заместитель, чья подпись стоит на вашем документе.

То, что вы живете в помещении НОРМ, лучше не говорить, чтобы не было лишних вопросов. Вообще запомните, ничего лишнего с собой не брать, ничего лишнего не говорить, а главное – не улыбаться. Этого следователи не любят. Надо, чтобы у немца было впечатление, что вы страшно напуганы и готовы во всем признаться.

С собой вы должны иметь две фотографии, чтобы в Варшаве вам могли сразу сделать документ. Во избежание подозрений желательно иметь с собой и побольше семейных фотографий, но ни в коем случае не фотографий друзей. Немец будет их внимательно изучать, и вам придется расска-

зять кто, кроме вас, на фотографиях. Лишние фотографии и документы, сказал мне Байдалаков, вы оставите у меня, и я вам их потом перешлю в Варшаву.

Потом немец спросит вас, как вы узнали, где проходит граница Генерал-губернаторства? Подробной карты у вас не должно быть. Тут вы должны сказать, что достаточно было посмотреть на любую карту, чтобы видеть, что Лицманштадт расположен ближе всего к Варшаве, и что вам ваших 20 злотых хватит на дорогу. На станции вы нашли расписание местных поездов, идущих в направлении Варшавы. Вот так вы и оказались здесь.

Следующим будет вопрос: откуда у вас польские 20 злотых? Тут надо, продолжал Байдалаков, сказать, что вы коллекционер бумажных денег, а значит, надо будет иметь с собой небольшую коллекцию. Байдалаков спросил меня, нет ли у меня с собой каких-нибудь хорватских денег. Оказалось, что нашлась мелочь, которую я не успел перед отъездом израсходовать. Байдалаков сказал, что даст мне немного французских и чешских денег, которые я мог получить в подарок от членов НОРМ, но насчет 20 злотых, а это уже не мелочь, предложил сказать, что получил от какого-то коллекционера в обмен на хорватские деньги – куны. Вы должны сказать, что свою коллекцию бумажных денег вы оставили дома, в Хорватии, но продолжаете ее пополнять. Если вас не поймают, то вы вернете мне все эти бумажки для следующего союзника, а если попадетесь, то для следующего чело-

века нам придется придумать другую легенду. Повторять то же самое будет рискованно.

Вас могут спросить, нет ли у вас знакомых в Варшаве, на чью помощь вы рассчитывали. Тут надо будет сказать, что знакомых у вас нет, но вы рассчитывали найти русскую церковь и там надеялись получить помощь.

Если следователь примет все сказанное за чистосердечное признание, вас могут действительно взять на работу переводчиком, а если нет, то могут отправить обратно в Берлин или даже в штрафной лагерь.

На этом инструктаж был закончен. Байдалаков снабдил меня бумажными деньгами, о которых была речь, дал мне адрес Мотора в Лицманштадте, сказал, когда я должен выехать, просил никому, кроме Олега Полякова, с которым жил вместе в НОРМ, ничего не говорить, и чтобы ехал без шапки. В приграничье в шапке нельзя было быть по той причине, что местные жители при встрече с пограничниками должны снимать перед ними шляпы, и если бы я снял шляпу, а потом попался, то был бы вопрос, кто меня этому научил. Пожав мне руку и пожелав успеха, Байдалаков добавил: «Молитесь Богу».

Купив себе в дорогу по продовольственным карточкам хлеба и колбасы, я выехал в пятницу 24 апреля вечерним поездом в Лицманштадт. У Мотора я выслушал новые инструкции, поужинал и переночевал.

Я отдал Мотору записку с его адресом, чтобы ее, не дай

Боже, не нашли у меня в случае ареста, проверил все, что у меня было с собой, и обсудил дальнейшие действия.

Утром рано с одним союзником мы поехали к границе. Там мой спутник показал мне дорогу, пересекавшую границу. Я должен был в полдень, когда пограничник уйдет на обед, быстро ее перейти и скрыться на польской стороне в доме контрабандиста. Мой спутник должен был наблюдать, как я окажусь на польской стороне, чтобы доложить потом Мотору.

Поляк-контрабандист должен будет накормить меня обедом, а вечером, когда стемнеет, показать мне дорогу на железнодорожную станцию. Моих 20 злотых должно быть достаточно на билет до Варшавы. На станции я должен буду стать в очередь вместе с поляками за билетом. Будут люди, которые получают билеты без очереди, но надо знать, что это – немцы. Лучше не пробовать брать билет без очереди и не рисковать. Чтобы не выделяться из толпы сидящих в ожидании поезда, я должен буду купить польскую газету и углубиться в чтение.

Как я потом узнал, поляк-контрабандист отказался от вознаграждения за свою помощь. Он был старым знакомым Мотора, и Мотор ему оказывал кое-какие услуги. Поляк сказал, что кто скрывается от немцев – их враг, а значит – его друг.

Мотор сказал мне, что на железнодорожную станцию ведет прямая дорога, которую мне укажет польский контрабандист. Он будет издали наблюдать, как я сяду в поезд, чтобы

потом сообщить, все ли прошло благополучно.

Слава Богу, все прошло благополучно. План работал как часы. В ожидании поезда я читал польскую газету. Читать по-польски я умел и от нечего делать решил заучивать польские слова. Что делать в Варшаве, я должен был знать на память. Никаких записок не смел иметь с собой. Мотор сказал мне, что, выйдя из вокзала, я должен идти по ходу поезда и на правой стороне улицы сесть в трамвай W2. Я не понял, что значит идти по ходу поезда, но Мотор сказал, что когда приеду, все станет ясно. Так оно и было.

С полученной сдачи у меня оказалась кое-какая мелочь и я, как мне было сказано, ничего не говоря, дал кондуктору 20 грошей и проехал до последней остановки на площади Trzech Krzyży. Если бы я знал город, я бы туда мог пройти и пешком, но трамваем было проще и безопасней. Я не имел права заблудиться и, страшно подумать, попасть в руки немцев.

На этой площади стоял костел св. Александра, и в русское время (до 1918 г.) эта площадь называлась Александровской. Костел был построен Александром I, царем России и королем Польши, получившим от поляков имя «Воскресителя Польши» за то, что после падения Наполеона из наполеоновского герцогства Варшавского создал Польское королевство, с польским парламентом – сеймом, польской валютой – злоты и гроши, и польской армией, в которой остались на службе даже польские офицеры и генералы, воевав-

шие в армии Наполеона против России. Персональная уния полякам в 1815 году даже импонировала. В благодарность поляки собрали два миллиона злотых и подарили их императору Александру, а он на эти деньги построил костел – как символ русско-польской дружбы. При Пилсудском про дружбу с русскими старались не вспоминать, и площадь переименовали в Площадь трех крестов. Там, перед собором, действительно стояло три креста, но не это было причиной переименования. Немцы почему-то вернули площади старое название – Alexanderplatz.

От площади вниз шла улица Ксенжеча, где жили Соловьевы, которые меня ждали и сразу же угостили завтраком – котлетой из конины. Конина мне не понравилась, но «голод не тетка», и капризничать было неуместно. Одному из сыновей, Толе или Юре, я дал две фотографии и свои данные, с которыми он пошел в Русский комитет и вернулся с моим новым удостоверением личности. Теперь я мог без риска выйти в город. С Соловьевым я поехал в канцелярию Русского комитета представиться его председателю Сергею Львовичу Войцеховскому.

Русский комитет (Russisches Nationales Komitee) с весны 1940 г. находился на Аллее Роз, 4, в особняке графа Стефана Тышкевича, но квартира Войцеховского и канцелярия находились на Вейской улице, 16. Войцеховский был со мной любезен и очень хвалил Мартино, чье место я должен был занять.

Войцеховский отлично знал, что и Мартино, и я прибыли в Варшаву нелегально, но снабдил документами и нас, и еще многих членов Союза. Он не был членом Союза, но помогал членам Союза продвигаться, как говорилось, «дальше на Восток», снабжая их необходимыми документами. Он выдавал им справки о том, что они прибыли в Варшаву в 1939 г. как беженцы при приближении Красной армии и после освобождения мест их жительства от советской власти желают вернуться к себе домой.

Благодарю варшавянку Ольгу Сергеевну Астромову (ур. Безрадецкую) за ценные советы при работе над этой главой.

14. Варшава

1942 г

С осени 1941 г. и до приезда Бориса Борисовича Мартино в Варшаву в конце февраля 1942 в Доме молодежи внешкольной работы не велось. После его приезда возобновилась работа дружины. Она состояла из отряда разведчиков, которым одно время руководил Владимир Николаевич Кашников, и отряда разведчиц под руководством Анны Давыдовской, невесты Ивана Ивановича Виноградова. После отъезда Давыдовской в Смоленск в мае 1942 г. начальницей отряда разведчиц стала Рита (Маргарита) Сагайдаковская, а ее помощницей – Таня (Татьяна Николаевна) Кашникова. Кроме того, была еще стая волчат и белочек из учеников и учениц русской начальной школы на ul. Miodowej под руководством Ирины Блюмович. «Белочки» – название для девочек до 12 лет – было придумано в Варшаве и потом распространилось по всей организации разведчиков. Кроме Блюмович, все были членами НТС, и за исключением Кашниковых в скаутской организации ранее не состояли.

Получив согласие от Шнее на создание дружины разведчиков и разведчиц, Мартино, с одной стороны, начал проводить сборы по отрядам, помогая молодым начальникам, с другой стороны, выделил группу старших, которых стал го-

товить на должности вожаков лагерных звеньев.

Праздник св. Георгия, покровителя разведчиков (6 мая), падал на рабочий день. В этот день кто мог, маленькими группами в штатском, поехал за город. Я был в группе, которая, проходя мимо цветочного магазина, увидела в витрине маленький букетик ландышей. У разведчиков был обычай в этот день носить в петлице цветок или хотя бы зеленый листок. Мы взяли букетик и тут же его разделили между собой. Продавец нам по-дружески подмигнул, почувствовав, что тут какая-то конспирация.

Мне, как недавно приехавшему в Варшаву, трудно было понять, куда мы поехали. Помню только, что кто-то нас уже ждал на сборном пункте и что мы еще кого-то ждали, а потом двинулись все вместе и на какой-то укромной поляне остановились, построились и Мартино, как начальник, сказал нам соответствующее слово. Потом мы перекусили, попили и двинулись в обратный путь.

Настоящее празднование с освящением знамени, небольшим представлением и прощанием с уезжавшими в Смоленск Давыдовской и Мартино было устроено в Доме молодежи в воскресенье 10 мая. Тогда же состоялась и передача мне руководства дружиной. Передав мне официально руководство Варшавской дружиной, Мартино своим подпольным приказом по ИЧ назначил меня одновременно и начальником отдела в Генерал-губернаторстве⁵³.

---

⁵³ Приказ по ИЧ № 6, параграф 3 от 15 июня 1942 г.

Радостный день был омрачен случившимся у Мартино кашлем с кровью. Доктор нашел у него туберкулез, и ни о каком продвижении в Россию не могло быть больше и речи. Войцеховский, оценивший руководительские способности Мартино, оставил и его, и меня на службе в Доме молодежи. Шла подготовка к лагерю, и работы хватало на нас всех. Про Мартино Войцеховский писал, что он обладал *«необыкновенным умением привлечь сердца молодежи»* и что он *«преобразил Дом молодежи своим талантливым руководством»*⁵⁴.

В Варшаве можно было бы объясняться по-русски или по-немецки, но немецким языком я не хотел пользоваться, а русский для поляков был мало понятен. Поэтому я решил с первого же дня учиться польскому. Мартино составил мне список самых необходимых фраз, но всего он предусмотреть не мог, и в первые же дни у меня был забавный случай. Я спросил у прохожего – где такая-то улица, а он мне ответил «нех пан пуйде просто». На это я ему сказал: «пшепрашам, для пана то ест просто, а для мяя не». Однако прохожий знал русский язык и объяснил мне, что польское слово «просто» в переводе будет – «прямо».

Оказалось, что еще надо знать, что польское слово «запомнить» значит – «забыть», что «искусство» по-польски будет – «штука», и т. д.

---

⁵⁴ *Войцеховский С. Л.* Варшава – июль 1944 года // Возрождение. Париж, февраль 1970. С. 91; Эпизоды. Лондон (Канада): Заря, 1978. С. 58).

Что я заметил в первые же дни, так это набожность поляков. Проезжая в трамвае мимо костела, все мужчины, начиная с кондуктора, приподнимали шляпы. В католической Хорватии такого не было.

И еще одна вещь мне бросилась в глаза. Для немцев по Варшаве ходил специальный трамвай с номером «0», а во всех других передняя площадка и первая скамейка была *Nur fuer Deutsche*. «Только для немцев» в Польше были и парки, и рестораны, и магазины. Правда, поляков не лишили, как жителей оккупированного СССР, передвижения на трамваях и по железной дороге, почты, телеграфа и телефона, но все же ограничения были очень чувствительными. В ответ на унижения поляки отвечали анекдотами. Такого количества антинемецких анекдотов я нигде не слышал. Слышал я их, впрочем, не от поляков, с которыми мало общался, а от наших русских, которые, если и были на многое в обиде на поляков, то в годы оккупации им определенно сочувствовали.

Должность начальника подпольного отдела требовала от меня расширения разведческой работы на провинцию. Я обратился к Войцеховскому с предложением привлечь в лагерь на этот раз и русских детей из провинциальных городов. Войцеховский охотно принял мое предложение и снабдил меня адресами представителей комитета в провинции и деньгами для поездок. Я посетил Краков, Ченстохову, Радом и Люблин. В Люблине мне удалось основать звено «Белый Медведь» и посетить его еще дважды до начала лагеря;

в Кракове, Ченстохове и Радоме я нашел по одному человеку и записал их в одиночки. В Холме, Львове и Перемышле из-за протестов украинцев представителей Русского комитета не было, но Вюрглер дал мне адреса членов НТС. Их имена я, к сожалению, не запомнил.

Женщина в Холме до вступления в НТС была членом БРП – Братства русской правды. Она на шее носила крестик с надписью «Боже, спаси Россию» и подарила мне такой же на память. Она была украинкой, как и большинство жителей Холмщины, но, как и многие, считала себя русской. Холм был захвачен в 1939 г. советскими войсками, но только на короткое время. По договору Холм должен был быть под немецкой оккупацией. Большевики, кажется, не успели никого арестовать, во всяком случае, ее не тронули. Она познакомила меня с Машей Олесюк, из семьи, считавшей себя русской. Я пригласил ее в русский летний лагерь, но она сказала, что не может, так как если об этом узнают школьные власти, то будет скандал. Она училась в украинской школе, где велась полуподпольная работа украинских пластунов (скаутов). Она показала мне свою тетрадку, в которой рисовала знакомые мне узлы и дорожные знаки. Она показала мне журнал, издававшийся типографским способом в Львове для украинской молодежи в Генерал-губернаторстве. На обложке был мальчик с треугольным флажком, похожим на скаутские звеновые флажки, только без изображения зверя. Одним словом, под каким-то безобидным названием укра-

инские скауты вели свою работу, как и мы, русские, только мы вели ее в более скромных масштабах. В Галиции и на Холмщине проживало несколько миллионов украинцев, и церковь и общественность поддерживали деятельность пластунов.

Маша была немножко поэтессой. Она перевела на украинский стихотворение Лермонтова «И скучно и грустно...»:

І скучно і сумно, і нікому руку подати
В хвилини для щастя пропащі.
Бажання? І пощо даремне і вічно бажати?
Літа ж проминають – літа що найкращі!
Любити? Кого ж і на скільки? На рік, чи на два,
Не варто трудитись, а вічно любити не сила.

Мне очень понравился и перевод и то, что девушка любит поэзию, и особенно Лермонтова. Я записал перевод под ее диктовку. Ей было приятно, что взрослый человек заинтересовался ее творчеством, но на мое письмо она не ответила. Вероятно, не хотела связываться со «стариком», хотя мне было тогда только 23 года.

В годы польского правления на Холмщине поляки разрушили много православных церквей, а некоторые переделали в костелы. Так, в Холме был переделан в костел православный собор, который немцы вернули православным. Там служил архиепископ Илларион (Огиенко), и служил не по-церковнославянски, а по-украински. Когда кончилась литургия,

хор запел українську молитву: «Боже Великий, Творче все-світу, На нашу рідну землю поглянь! <...> Люд у кайданах, край у руїні, Навіть молитись ворог не дасть... Боже Великий, дай Україні Силу і славу, волю і власть».

Моя спутниця потім розказала, що багато православні, не желя посещать українське православне богослужение, стали ходити к униатам, которые продолжали служить по-церковнославянски.

Наш член НТС в Перемышле розказал мне, как в 1939 г. город был разделен на две части. Та часть, которая оказалась под немецкой оккупацией, была названа Deutsch Pschemisl (Немецкий Перемышль), хоть он и не был присоединен к Германии, а только входил в состав Генерал-губернаторства. Он же розказал мне, что, когда ему выдавали советский паспорт и он сказал, что он по национальности русский, то милиционер ему по-дружески посоветовал сказать, что он украинец, чтобы не попасть «к белым медведям».

Ни в Перемышле, ни в Львове я с русской молодежью не встречался.

Одним из дел, которые поручил мне Мартино, было подерживание связи с подпольными харцерами. Мы поехали вместе к польскому руководителю Тадеушу Квятковскому, с которым Борю Мартино познакомил Женя Поздеев. Он хоть и был русским, но до войны работал в Варшаве с харцерами и знал Квятковского по харцерской работе.

Для курса для руководителей нам надо было достать кое-

какую польскую харцерскую литературу, и я отправился к Квятковскому узнать, чем бы он мог нам помочь. Друг Тадеуш (харцеры обращаются, как принято у поляков, друг к другу в третьем лице, называя друг друга «druh» или «druhna»), дал мне адрес книжного магазина, где можно купить харцерскую литературу, и научил меня, как спросить и что отвечать хозяину. Магазин находился на маленькой улочке, выходящей на Театральную площадь. Там я должен был незаметно спросить: «Могу ли купить Harcerstwo dla chłopco'w – польский перевод Scouting for Boys)? Продавец, конечно, скажет, что таких книг он не продает, на что я должен был ответить, что пан Тадеуш сказал, что у него такую книгу можно найти.

Я сразу поехал в указанный магазин, спросил, как мне было сказано, и получил предусмотренный ответ. Я, разумеется, сослался на пана Тадеуша, и торговец сказал мне так, чтобы никто не слышал, что такие книги он не имеет права продавать, а употребляет их для разжигания в печи огня, и чтобы я посмотрел в мусоре, может быть, там случайно найдется нужная мне книга. Я так и сделал и под щепками, дровами и мусором обнаружил растерзанный экземпляр «Харцерства для хлопцув» без первых и последних страниц. Я незаметно показал хозяину книжку и спросил: «Ile kosztuje?» (сколько стоит).

Хозяин назвал мне смехотворно низкую цену. К тому времени я уже знал варшавские порядки, что если на газете на-

писано 20 грошей, то платить надо 2 злотых. Я дал хозяину 10 злотых, и, поблагодарив, хотел уйти, но он не отпустил меня, не дав сдачи.

Несколько дней спустя я отправился в тот же магазин в поисках книги по саперному делу и спросил книгу «Pionerka harcierska». Хозяин меня встретил так, как будто бы видит меня в первый раз. Я снова должен был упоминать пана Тадеуша, а хозяин снова мне объяснял, что он таких книг не держит и т. д. Я пошел снова к печке искать книгу в мусоре, но книги не оказалось. Там снова лежало «Харцерство для хлопщув». Я решил купить книжку, дал хозяину деньги, но сказал, что мне нужна «Пионерка харцьерска». «Проше пана, – сказал хозяин, – заходите в другой раз».

Через несколько дней я снова пришел в магазин и на этот раз нашел нужную мне книгу. Pan miał szczescie (Пану повезло), сказал мне хозяин, будто бы он не отложил эту книгу специально для меня.

Трудно поверить, но в оккупированной Варшаве в одном магазине на витрине были выставлены среди прочих мелочей и харцьерские лилии, и маленькие харцьерские кресты для штатского, и металлические зажимы для галстуков с лилией посередине.

Эта статья была проверена и дополнена Ольгой Сергеевной Астромовой (ур. Безрадецкой), Михаилом Викторовичем Монтвиловым и Татьяной Николаевной Юнг (ур. Каш-

никовой), за что им автор приносит им глубокую благодар-
ность.

15. Лагерь в Свидере

Лагерь в Свидере в 1942 г. был устроен в той же усадьбе Соловьевка, где и предыдущий лагерь в 1941 г. Это было большое двухэтажное здание. На втором этаже жили лагерницы, а на первом были кухня, столовая и жили младшие лагерники. Этот дом, как и ряд других, был национализирован немцами, и пустовавшими дачами заведовал А. А. Соллогуб⁵⁵. В лагере в 1942 г. были не только Варшавская дружина, но и одиночки, и дети, и молодежь, не состоящая в дружине. Это, конечно, создавало некоторые неудобства для проведения занятий с лагерниками и отрицательно влияло на дисциплину.

Начальником лагеря официально был начальник Дома молодежи Шнее, но он руководство лагерем полностью передал Мартино и не мешал проводить разведческую работу. Меня Шнее назначил начальником мужского лагеря, или, как у нас говорили, «мужлага», начальницей «женлага» была Маргарита (Рита) Сагайдаковская, а начальницей волчат и белочек И. Блюмович. С новичками проходили III разряд, с разведчиками и разведчицами, сдавшими III разряд раньше, проходили II разряд, а с некоторыми и КДВ (курс для вожаков). С более старшими – КДР (курс для руководителей). Участ-

---

⁵⁵ *Войцеховский. С. Л. Эпизоды. Изд. «Заря». С. 58.*

никами V КДР были: Маргарита (Рита) Сагайдаковская, Татьяна Кашникова (р. 1925), Любовь Любарская, Владимир Кашников, Борис Мерхель, Александра Попова и Юрий Саватюк, а инструкторами, кроме Мартино и меня, были Евгений Евгеньевич Поздеев и Шнее. Подготовка вожаков и руководителей для послевоенной работы входила в планы ушедшей в подполье организации разведчиков, возглавляемой О. И. Пантюховым.

У старших, объединенных в круг витязей «Запорожская сечь», был лагерь из четырех палаток, в которых они ночевали, с воротами с лилией, буквами «З.С.» и надписью «Будь готов». В этом лагере была общая мачта и место для лагерного костра. У волчат и белочек был свой лагерь, с одним шалашом, со своей мачтой, воротами и оградой, где они днем играли. Ночевали они в доме. Разведчицы имели за дачей одну свою палатку, без ограды, ворот и мачты. Беседка, как и в 1941 г., была превращена в часовню. По воскресеньям в лагере совершал литургию всеми любимый о. Серафим Баторевич.

Ольга Сергеевна Безрадецкая (в замужестве Астромова), которой в 1942 г. было 13 лет, так вспоминает лагерь: *«Для меня это было что-то незабываемое. Мы готовились к этому лагерю на сборах в Доме молодежи. Усердно занимались разрядами и прошли что-то вроде КДВ – курса для вожаков. В лагере мне дали звено «Ромашка», чем я была невероятно горда. В комнате, где мы жили, мы сделали звеновой*

уголок, за который нас потом очень хвалили. В палатках жили какие-то старшие разведчики, и мы им очень завидовали. Жить в палатках казалось верхом скаутского достижения. Обожили мы ночные игры и подкрадывания, хотя и боялись темноты»⁵⁶.

Для Мартино лагерь в Свидере был шестым лагерем, которым он руководил. Он знал, что и как надо делать. Для большинства лагерников это был только второй или даже третий лагерь, но именно этот произвел на них самое сильное впечатление.

В постройке «Голливуда» (полевой уборной) для разведчиков особой надобности не было. В доме на каждом этаже было достаточно уборных, но полевая уборная, так же как и ночевка в палатках, создавала впечатление жизни в настоящем разведческом палаточном лагере. Вожаки и руководители, которые на курсах изучали лагерное дело, должны были иметь кроме теории и необходимую практику.

Для подготовки югославских руководителей М. В. Агапов-Таганский и И. А. Гарднер (1898–1984) провели в 1924 г. первый КДР под девизом БКС – «Будем как солнце!». Мартино и я окончили югославянские БКС курсы, Мартино в 1934 г., а я в 1935 г., и мы вернули русской организации все то, что было заложено в этих курсах русскими руководителями и сохранялось затем югославянскими скаутами, в том числе и юмор. Астромова в упомянутом письме писала:

---

⁵⁶ Письмо О. Астромовой (ур. Безрадецкой) от 21.11.2003 в архиве автора.

«Запомнилось торжественное открытие мужского “Голливуда”. Для всех лагерников это было неожиданным и смешным происшествием. Вход в “Голливуд” преграждала веревка с нанизанными на нее кусочками газеты, употреблявшими в те годы не только в лагере вместо туалетной бумаги. Вместо флага, по случаю открытия, были подняты чьи-то кальсоны. Мартино сказал остроумную речь, разрезал ножом веревку и скрылся за стенкой, сделанной из веток».

В прошлых лагерях руководители годились лагерникам в отцы, к ним обращались «на Вы» и звали их по имени и отчеству. Между Мартино, мной и лагерниками не было такой разницы в годах. Вот что написала Астромова в своем письме: *«Костры были чем-то совсем новым и очень интересным. Помню, как Борис Мартино пел: “Перепетуя, глянь в окошко, как чудно при луне”. Помню, как долго, меняя интонации, повторял слова “Путник клянется”, держа нас в напряжении, чтобы вдруг закончить все простой фразой: “что никогда больше не выйдет в бурю без зонтика”. Помню “Короля Лира”, поставленного разведчиками. До сих пор не понимаю, как мы могли жечь костры при полном затемнении».*

Если бы это от нас зависело, и Мартино и я, мы бы обедали вместе с лагерниками, но в лагерях в Свидере всегда руководители ели отдельно, и мы этого не смогли изменить. А жаль. Об этом Астромова там же писала: *«Постоянно заметна была и обижала разница между начальством и на-*

ми, детьми. Все руководители сидели за отдельным столом и никогда к нам не присаживались».

И еще одно замечание Астромовой: «Сердила меня надпись ГУЛАГ на дверях штаба лагеря – последней в коридоре комнаты на нижнем этаже, которую я не понимала. С трепетом входили мы в эту комнату, робея перед начальством».

«Кормили нас по тем временам, – продолжает Астромова, – благодаря стараниям А. Шнее – прекрасно. Каждому в день полагалось яйцо. Мы, девочки, обычно просили выдать нам сырое, получали ложку сахара и в “мертвый час” сбивали гоголь-моголь. Еда в военное время была важным для детей явлением». Собственно говоря, «мертвый час» в лагерях был установлен для того, чтобы после обеда лагерники отдышались. Можно было читать, но не разрешалось что-нибудь делать, даже разговаривать. За порядком следили дежурные, но в лагере было более ста человек, и за всем было трудно углядеть.

В лагере разведчиков под мачту никого не ставили, никаких выговоров перед строем не делали, а делалось так, как было в разведческих лагерях в Югославии. Провинившиеся должны были подписывать «конкордат». Этот порядок был введен в лагере в Шуметлице (Югославия, ныне Хорватия) в 1937 г. Тогда в Югославии были ожесточенные споры насчет подписания конкордата (договора) между Югославией и Ватиканом. Это слово у всех было на слуху. «Конкордат»

был кусочком бумаги, на котором провинившийся должен был расписаться и потом его «искупить». В Шуметлице чаще всего провинившихся посылали в помощь дежурным принести хворост на кухню. Я обычно обращался к провинившимся с вопросом, кто из них хочет «искупить» конкордат, не говоря, в чем будет заключаться внеочередная работа. Провинившиеся охотно откликались, над ними солагерники подругески подсмеивались, и это создавало у всех хорошее настроение.

В многолюдном лагере в Свидере провинившихся было больше, а мелких дел меньше. Я решил «конкордатчиков» посылать вне очереди работать на кухню. Там каждый день работало два дежурных звена, одно разведчиков, другое разведчиц. Как только собиралось достаточное количество провинившихся, я объявлял о внеочередном дежурстве. Однажды маленький Сережа Грязнов пожаловался мне, что старшие «конкордатчики» эксплуатируют младших. Я проверил жалобу у нанятых Русским комитетом работниц кухни и, узнав, что жалоба обоснованна, в следующий раз назначил Сережу вожаком звена «конкордатчиков», пригрозив старшим последствиями, если не будут подчиняться назначенному мною вожаку.

Кухарки отозвались очень похвально о Сереже, сказав, что при нем мальчики лучше работают, чем бывало прежде. Я это учел и в следующий раз снова назначил его вожаком. На кухне был порядок, но пошли жалобы на поведение Се-

режи. Он стал слишком шаловливым, слишком часто попадал на кухню вне очереди и ничуть не огорчился. Наоборот, он сделал себе повязку, на которой нарисовал череп и кости, и объявил себя начальником легиона смерти. Старшие его стали бояться больше, чем меня. Я его как-то пристыдил, что он слишком часто подписывает «конкордаты», а он мне признался, что ему понравилось быть начальником и командовать старшими. Из него вышел бы хороший руководитель, если бы он не утонул в 1949 г. во время купания в Дунае.

Дима Скоробогач, который приехал в лагерь новичком и сдал в лагере III разряд, вспоминает, что наказывали не только работой вне очереди на кухне, но и оставляли без купания. Это делалось, конечно, в более серьезных случаях. Дима тогда сочинил такие слова: *«В нашем Свидере беда: / Без купания всегда, / Потому что без воды / И ни туды, и ни сюды»*⁵⁷.

Дима вспоминает, что в лагере была «революция», вернее, «День младших», и тогда он был начальником «Мужлага», а Ляля Сагайдаковская начальницей «Женлага».

В Югославии в лагерях была игра, называвшаяся «революцией». «Заговорщики» иногда готовили ее так хорошо, что некоторые ребята думали, что действительно готовится какой-то переворот. Были и листовки, и арест начальства, и суд с обвинениями, причем ребята в шуточной форме говорили начальству о том, что им в лагере не нравилось. Де-

---

⁵⁷ Письмо Д. Скоробогач от 25.11.2003 в архиве автора.

лалось это в лагерях, в которых было по 30–40 человек. В Свидере же было более сотни, к тому же не очень дисциплинированных. Мы с Мартино решили, что устраивать революцию слишком рискованно, и решили устроить День младших. На это решение имел влияние и наш опыт с Сережей Грязновым, который на кухне прекрасно справлялся с ролью начальника.

Из-за одного крупного нарушения дисциплины у Бориса вышел скандал, о котором Войцеховский написал в своих воспоминаниях на с. 58: *«В Свидере, к сожалению, он проявил крайнюю несдержанность с молодой участницей лагеря»*. Было расследование, но лагерники об этом не знали. После лагеря и Мартино и я были уволены с работы в Доме молодежи, и нас предупредили, чтобы мы не вздумали под каким-нибудь видом собирать молодежь.

Я думаю, что скандал Мартино с лагерницей был поводом, а не причиной. Дело в том, что любая скаутская деятельность была нацистами запрещена, в Свидере же на лагерных воротах красовались лилия и надпись «Будь готов». Однажды в лагерь неожиданно приехала какая-то немецкая комиссия, которая не могла не заметить скаутской символики. Думаю, что это было настоящей причиной того, что в следующем году лагерь, по выражению Войцеховского, *«из скаутского стал детским»* (там же). Думаю, что все было бы иначе, если бы Войцеховский предупредил Мартино не пользоваться скаутской символикой. Это было ошибкой, и

ему, вероятно, пришлось выслушать выговор от немецкого начальства. Предупреждение, чтобы мы не вздумали вести подпольную разведческую работу, подтверждает эту догадку.

Как было сказано выше, в лагере велась нормальная работа с волчатами и белочками (мальчиками и девочками 7–10 лет), со старшими были занятия по программам III и II разрядов, а также КДВ и КДР. На КДВ помню Протасова, которому я потом передал работу с одиночками, а на КДР инструкторами были, кроме Бориса и меня, Евгений Евгеньевич Поздеев и Шнее, который преподавал топографию. КДР в Свидере и КДР в Берлине, которые проводились одновременно, был дан пятый номер. Шнее так увлекся разведчеством, что вступил в организацию.

Покидая Хорватию, благо не было осмотра багажа, я взял с собой запас разведческих лилий. Перед отбытием из Берлина я их оставил у Володи (Владимира Исаакиевича) Быкадорова с просьбой одну часть отправить с okazji в Варшаву. Полученных от Быкадорова значков было немного, и мы решили заказать новые. Для этого я снова обратился к Тадеушу Квятковскому с просьбой помочь. На этот раз Тадеуш не снабдил меня адресом, а взялся сам все устроить. У меня с собой была карпато-русская лилия, у которой «улыбка» с девизом не касалась кончиков лепестков и не имела «узелка доброго дела». Я ее дал Тадеушу с просьбой прибавить węzelek (вензелек, по-польски – узелок).

Первый десяток значков оказался без «узелков», потому что мастер забыл их прибавить к лилии. Так как он выпивал каждый значок вручную, то выход из положения был найден таким образом, что мастер оставлял вместо «узелка» под «улыбкой» узенький треугольник, заменявший забытый им «узелок». По этой детали подпольные варшавские лилии отличаются от всех других, чеканившихся до и после. Заказ разведческих лилий, сделанных в одной подпольной польской мастерской, оплатил Шнее.

Б. Б. Мартино, выждав какое-то время, стал осторожно продолжать разведческую работу в Варшаве, но на этот раз без прикрытия Дома молодежи, что, конечно, усложняло дело. Как вспоминает Астромова, участница подпольной работы, *«собирались в лесах варшавских пригородов, как Лесьна Подкова или Миланувек, небольшими группами с формами в кульках. В лесу переодевались. Иногда встречались с проводимыми такую же процедуру подпольными харцерами, делая вид, что друг друга не замечаем»*. И у одной и у другой стороны были основания бояться провокации.

Оставшись без заработка, ни Борис, ни я не остались без денег на продовольствие. Помог случай. Борису дали адрес зубного врача, который оказался председателем Хорватского комитета в Варшаве. Доктор (забыл его фамилию) спросил Мартино, почему он не состоит в Хорватском комитете, что дало бы ему право получать немецкие продовольственные карточки. Немцы и хорваты, которые были их союзниками,

получали в Генерал-губернаторстве двойные нормы мяса и папирос, и к тому же конфеты и водку. За водку и папиросы можно было получить более ста злотых, и на эти деньги купить все остальное. Все это продавалось в магазинах «Мейнл», чьи витрины были украшены, как вызов, всевозможными недоступными полякам и русским яствами. Мы, конечно, воспользовались этой возможностью и записались в Хорватский комитет.

Мартино остался в Варшаве до 1944 г., когда ему пришлось выехать в Германию в связи с восстанием в Варшаве, а я в начале 1943 г. при помощи НТС устроился преподавателем Закона Божья в Псковскую православную миссию.

16. Псков

1943 г

Приезд

Я приехал в Псков из Риги в марте 1943 г. При выходе из поезда я должен был показать удостоверение личности и пропуск через границу прифронтовой полосы (Operationsgebiet). У меня было все в порядке, но проверявшему показалось что-то подозрительным и он вызвал жандарма. Вызванный был в форме немецкого солдата, только немножко ниже воротничка у него на цепочке висела металлическая пластинка с надписью «фельджандарм». Он посмотрел на мое варшавское удостоверение и спросил меня, откуда я приехал. Я ответил, что из Риги.

– А где ваш паспорт? – спросил меня жандарм.

Я сказал, что кроме варшавского удостоверения у меня никаких других удостоверений нет.

Идем со мной, сказал мне жандарм и отвел меня в тюрьму. Там он и начальник тюрьмы объяснили мне, что для приезда в Псков у меня должен был быть советский паспорт, как у всех жителей Прибалтики, и объявили мне, что я не арестован, но должен буду переночевать в тюрьме, пока они не вы-

яснят, в чем дело. На следующий день они меня отпустили.

У меня было направление к о. Георгию Бенигсену, настоятелю кладбищенской церкви св. Димитрия мироточивого в поле. Отец Георгий проживал в доме напротив кладбища в конце Петровского (в советское время Плехановского) посада. Дорога была неблизкой, а трамвая не было. Немцы не только в Пскове, но и в других оккупированных советских городах лишали население общественного транспорта, чего не делали ни в одной другой оккупированной стране. Я шел, смотрел по сторонам, слышал везде русскую речь и радовался, что я в России. Постройки городского типа вскоре прекратились и начались деревянные домики, которых я раньше нигде не видывал. Вот тут-то я впервые почувствовал себя на родине. На спине у меня был рюкзак и обе руки были заняты багажом. Я очень устал. Отец Георгий был предупрежден о моем прибытии. Он меня очень радушно встретил, сказал, что давно ждал себе помощника, накормил обедом и тут же обсудил со мной все дела. В доме, где жил о. Георгий, размещались приют, школа, Надежда Георгиевна Одинокова, которая заведовала приютом, ее сестра Зинаида и Анна Акимова, на которой держалось все хозяйство. Поручив меня Надежде Георгиевне, о. Георгий ушел по своим делам.

Надежда Георгиевна указала мне, куда сложить вещи и где я буду ночевать. К сожалению, в доме свободной комнаты не было, и мне надо было устраиваться в городе. На следующее утро я пошел в умывалку и тут познакомился с замеча-

тельным изобретением советского времени. Проточной воды в умывалке не было, но над каждым тазом была банка с отверстием внизу, которое закрывалось клапаном, от которого спускался вниз металлический стержень. Когда приподнимался стержень, из отверстия начинала течь вода. Позавтракав, я пошел в канцелярию Псковской православной миссии, которая находилась в кремле. Мне сразу выдали необходимые бумаги и составили «заявление» для Горуправления о выделении жилплощади. В «капстранах» полагалось писать «прошение», но советское правительство в целях пропаганды делало вид, будто бы граждане – «хозяева» страны и они ничего не должны просить, а только заявлять о своих желаниях. Все это мне было известно еще в Югославии, когда я проходил НТСовский курс национально-политической подготовки.

В Горуправлении мне сразу дали ордер на комнату и «прикрепили» меня к эстонской столовой. Она находилась на втором этаже дома, где на первом этаже была аптека, что на углу Великолуцкой (в советское время – Советской) и Профсоюзной (как при немцах официально именовалась Профсоюзная, не помню). Если не ошибаюсь, то немцы переименовали улицу Ленина в Adolf Hitler Strasse, а Октябрьский проспект в Pleskauer Hauptstrasse (Плескау – по-немецки Псков), а всем другим вернули их дореволюционные названия. Псковичи старыми названиями не пользовались, а продолжали употреблять привычные советские. Почему столовая назы-

валась эстонской, я тоже не знаю. Там столовались служащие миссии, приехавшие в Псков, за редким исключением из Латвии, и местные жители, работавшие в Горуправлении или отделе немецкой пропаганды. Возможно, что там столовались и служащие других учреждений, но знаю точно, что на служащих ветеринарной лечебницы эта привилегия не распространялась. Кормили прилично, лучше, чем в берлинских ресторанах, где мне пришлось питаться в начале 1942 г. Подавали только обеды, а на завтрак и ужин выдавали продукты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.